

ДЖЕЗЕБЕЛ
МОРГАН

САМОЕ
КРАСНОЕ
ЯБЛОКО

Джезебел Морган

Самое красное яблоко

Серия «Охотники за мирами»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68917263
Самое красное яблоко: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-177861-3*

Аннотация

В садах моей матери растут самые красные яблоки – залог нашего богатства и процветания, омытый кровью и скрепленный темными клятвами. Тайну эту я узнала случайно, подглядев за пиршеством дивных соседей, и теперь расплачиваюсь за глупость и любопытство. Чтобы спастись, мне пришлось отправиться ко двору короля и прислуживать невесте юного королевича.

Разве могла я знать, что интриги дивных соседей настигнут меня и там?

Роман-однотомник от автора цикла «Иди через темный лес» Джезебел Морган.

Актуальный жанр ретеллинга. Место классической Белоснежки занял юноша.

Обложка от популярного художника Djuneу9.

Тематика фэйри и волшебных подменшей.

Темная атмосфера, политические интриги, древние легенды и яблоневый сад.

Содержание

Часть 1	5
1	5
2	13
3	21
4	29
5	40
6	47
7	54
8	63
9	72
10	81
11	93
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Джезебел Морган

Самое красное яблоко

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Дж. Морган, текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

Часть 1

Другой дороги нет

1

В садах моей матери росли самые красные яблоки в королевстве. Когда подходила пора сбора урожая, ветви яблонь клонились к земле под тяжестью плодов. Их собирали молодые девушки из окрестных селений, а доверенные слуги матери следили за ними: упаси богиня, пропадет хоть одно яблоко! Ведь корзина отборных плодов стоила дорого: за нее платили серебром по весу. Только королевская семья могла позволить себе купить несколько бочек, чтобы круглый год наслаждаться лакомством.

Мне довелось попробовать яблоко из нашего сада только в день пятнадцатилетия. Мать сама выбрала самое большое, самое блестящее яблоко из последнего урожая, поднесла мне на серебряном блюде. Огоньки свечей отражались на гладкой коже яблока, окружая его золотистым сиянием. Я смотрела на источник нашего богатства, как на святыню, и не осмеливалась взять его в руки.

– Не бойся, дочь моя, – терпеливо улыбнулась мать, величественная, как сама королева. – Вкус тебя не разочарует.

За яблоко я схватилась обеими руками, словно боялась, что мать передумает и отберет такой прекрасный плод, решит оставить его для короля, а мне предложит яблоко поменьше. Сестры смотрели на меня, не скрывая зависти, и в их глазах блестели искры. Они мечтали: придет день и мать также поднесет на блюде алое яблоко каждой из них.

Зажмурившись, я осторожно прокусила тонкую кожуру и впилась в сочную мякоть. Много дней я представляла, каким же будет этот вкус. Будет ли он похож на кленовый сахар или заморский шоколад, на солнечный мед или варенье из фиалковых цветов?

Мякоть яблока таяла во рту, оставляя теплый, сладкий вкус, пряный и медовый. Ни капельки кислинки не было в нем.

Я ела медленно, смакуя каждый кусочек, и под закрытыми веками мелькало закатное солнце, подарившее плодам огненную красноту лучей, серые проливные дожди, омывшие листья и яблоки до зеркального блеска. Если в мире и была магия, то она воплотилась в этих красных плодах.

На следующий день, как и во многие дни до этого, меня ждало мелкое зеленое яблоко, тусклое и бугристое. Старые кривые яблони росли у стен нашего дома, и плодоносили они яблоками твердыми и кислыми настолько, что челюсть сводило. Даже бедняк побрезговал бы их плодами, но мать заставляла меня и сестер каждый день сгрызать по паре штук, а Маргарет, прекраснейшую из нас, – дважды в день.

Воспоминания о сладости красного яблока казались сном.

Ровно через год мать поручила мне следить за сбором урожая. О, как я боялась ее разочаровать! Пожалуй, со времен первого саженца не было в наших садах надсмотрщика настолько сурового и беспощадного! И когда я поднесла матери корзину лучших плодов, блестящих, словно рубины, она была мною довольна.

– Я в тебе не ошиблась. – Мать одарила меня милостивой улыбкой. – Надеюсь, не ошибусь и впредь. Отнеси эту корзину на опушку леса, что в полумиле за нашими садами, и оставь в тени деревьев. А затем беги, беги со всех ног, беги и не оглядывайся!

Я повиновалась, даже не пытаюсь скрыть изумления. Самые яркие, самые сочные плоды мать хотела отдать на пожизну зверям и птицам, бессловесным тварям! Или селянам: о, для них это был бы праздник! Но матушка никогда не славилась беззаветной добротой, и потому любопытство разгорелось во мне, тысячей крохотных иголок пробегая по коже.

Я не поднимала глаз, чтоб никто не заметил, что за пламя в них полыхает, чтоб никто не догадался, что за дерзкий план я замыслила.

Я выполнила повеление матери – но не до конца.

От темного сырого леса наши сады отделяло заброшенное, заросшее поле, то ли забывшее плуг пахаря в незапамятные времена, то ли вовсе его не знавшее. Да и сам лес люди не жаловали: ни за ягодами, ни за дичью под его сень не

заходили. Тропа к нему, узенькая, заросшая чертополохом и осотом, едва угадывалась, но мощным трактом стелилась мне под ноги, и колючки не цеплялись за подол моего платья. Сорные травы вздымались едва ли не с меня ростом, и в тишине безветрия едва заметно покачивались их верхушки, словно кто-то маленький и невидимый резвился среди них.

У самой кромки деревьев, между узловатых вздыбленных корней, лежал плоский валун, огромный, похожий на обеденный стол.

Или на алтарь.

Лучи закатного солнца уже коснулись его поверхности, окрасив в рыжий и бурый. Даже после ясного дня камень источал холод, словно лежал в глубокой могиле или вытесан был из куска колдовского льда, что не тает даже в самый жаростный зной. Робея, я поставила на него корзину, переложила яблоки, чтобы ярче блестели они в закатных лучах, и, помня наказ матери, бросилась прочь через поле. Насчитав с полсотни шагов, я свернула с тропы, с головой нырнув в колючие заросли чертополоха и осота. Я попыталась подкрасться обратно к кромке леса, но терновник цеплялся за платье, выюнок путался в ногах, а репей оставался в косах непрошеным украшением. Я вся измаялась, пока подобралась обратно к опушке.

Осторожно раздвинув лозы, усыпанные длинными белыми, словно кость, шипами, я взглянула на алтарь. Его уже скрыли удлинившиеся тени и сизый туман, поднимающийся

из лесных оврагов.

Но даже в сумраке невозможно было спутать силуэты, обступившие подношение на камне, с людьми. Тонкие и высокие, выше всех, кого я только знала, они двигались легко и плавно, словно в толще воды. Их черные волосы и темные одежды струились, подхваченные несуществующим ветром, а туман рядом с ними белел и ложился на плечи пушистым плащом.

Я следила за ними, прикусив губу и затаив дыхание, следила, не находя в себе сил отвести взгляд. Они были невыразимо прекрасны, как сон в долгую черную ночь зимы. И, как сама зима, они были ужасающи. Мне казалось: стоит опустить взгляд, пошевелиться – и все исчезнет, а я окажусь в самой темной чаще, потерянная и забывшая, кто я есть. Мне казалось, стоит продолжить смотреть на них – и они увидят меня, растерзают и разорвут.

Но даже если бы я и хотела, я не смогла бы перестать любоваться ими.

Как я жалела, что нарушила наказ матушки: как я была счастлива, что это сделала!

Глаза уже слезились от напряжения, их жгло, словно под веки попал песок, а сердце гулко колотилось в пересохшем горле. Затаив дыхание, я следила, как наши темные соседи, добрые соседи вгрызаются в яблоки зубами мелкими и острыми, как у куницы или ласки. Было в этом неурочном пиршестве что-то жуткое, что-то неправильное, так что да-

же тени удивления не возникло, когда по точеным бледным подбородкам заструился не яблочный сок, а густая, темная кровь. Я только сильнее вцепилась слабеющими пальцами в колючую лозу, чтобы она не стегнула меня по глазам.

Я даже не ощутила, как острый шип пробил кожу, и капли крови окрасили его в красный. Увидела только, как все дивные соседи развернулись в мою сторону, подозрительно втягивая ноздрями воздух. Взгляды их темных, лишенных белков глаз прикипели к окровавленной лозе.

Я не успела ни испугаться, ни представить, что останется от моего тела после охоты добрых соседей. Они не кинулись в мою сторону, обнажая клинки и когти, нет. Они бросились в лес, прервав свою трапезу, словно бежали от чего-то ужасающего и кошмарного, перед чем они были бессильны.

Когда последний силуэт туманом растворился в темноте леса, я осторожно вышла из своего укрытия, задумчиво зализывая ранку на пальце. Запоздало настигло меня осознание, какой жуткой участи я избежала, и сердце заполошно стучало о ребра, не желая успокаиваться. Сама не понимая, что и зачем делаю, я подошла к опустевшему, покинутому алтарю. На траве рядом с ним лежала пара последних, забытых яблок, сморщенных и подгнивших. Корзинка, валявшаяся у самых корней, от одного прикосновения развалилась на части, словно береста, скреплявшая прутья, давно истлела.

Я поспешила покинуть опушку, вернуться домой, пока тропа еще виднелась в густеющей ночной темноте, но как бы

я ни выбивалась из сил, все равно пришла к усадьбе уже после полуночи. Благодарно коснувшись искривленного ствола старой яблони, склонившейся у крыльца, как в детстве попросила у нее сил вынести недовольство матушки – я не сомневалась, что она будет гневаться.

Но она молчала. Она встретила меня у камина, укутала в плед и поднесла чашку с подогретым вином. Только дома, у живого огня, я поняла, как сильно заледенела, словно побывала в могиле.

Я ждала, что мать будет бранить меня и за позднее возвращение, и за разодранное платье, а более всего – за то, что я подглядывала за добрыми соседями, выведав тайну нашего благополучия. Ведь каждому ребенку известно: плату угощением дивные берут лишь за то, что сами и дали.

Но мать улыбалась, а взгляд у нее был довольный, как у сытой кошки. Разбуженные сестры, подавленные и молчаливые, вычесали репы из моих кос, приложили компрессы с бальзамом к расцарапанной, израненной коже. Слуги же, хмурые и испуганные, сожгли лохмотья, в которые превратилось мое платье после острых шипов.

Мрачное настроение обитателей поместья пугало меня особенно сильно по сравнению со спокойной, горделивой радостью моей матери. Их страх стал мне понятен, когда я услышала сплетни прислуги.

Недобрая весть текла из уст в уста, обрастая пугающими подробностями, оставляя в сердцах слушателей лишь ото-

ропъ и тоскливый древний ужас перед темным и непознаваемым. И куда бы я ни пошла, всюду преследовал шепот.

Что старшая хозяйская дочь вернулась в отчий дом ровно через год и один день.

2

– Добрые соседи обошлись с тобой жестоко, – сказала мать, когда я наливала ей чай за завтраком. Сестры мои не составили нам компанию: младшая, Маргарет, еще спала, наслаждаясь отсутствием обязанностей, а средняя, Элизабет, еще на заре уехала с управляющим в столицу – проследить за продажей яблок королевской семье. Дворецкий был хитер, изворотлив, как змей, и всегда пытался уплатить цену ниже положенной.

Раньше мать лично контролировала эту сделку, на все хитрости лукавого служащего отвечая скупой и спокойной улыбкой.

Еще год назад это могло бы стать моей обязанностью.

– Да, – задумчиво повторила мать, поднося ко рту наполненную до краев чашку так, что чай не расплескался, даже не шелохнулся. – Слишком жестоко. Они украли слишком много времени, чтобы ты смогла вернуться к прежней жизни, и слишком мало – чтобы начать новую.

Я неосознанно потянулась к нитке рябины, скрытой плотной и грубой тканью скромного домашнего платья. Мать сама завязала намертво узел этого странного ожерелья на моей шее, и теперь, только прикасаясь к нему, я находила успокоение.

Одно за другим я сгрызала жесткие зеленые яблоки, да-

вась кислой слюной, но все равно не чувствовала себя в безопасности. Слуги косились на меня, говорили, только отводя глаза да сжимая в карманах нехитрые обереги – щепки боярышника, сухой чертополох да ржавый гвоздь. Я не могла их винить – я сама себе не доверяла.

Мать же относилась ко мне так, словно добрые соседи благословили меня, а не проклинали. Впрочем, кому, как не ей, понимать их извращенную логику?

– Я бы предпочла, – говорила она, когда я только вернулась, – чтобы наследницей осталась ты, ты, уже знающая, кому мы обязаны своим процветанием, кому мы обязаны до конца времен платить дань. Но добрым соседям удобнее не умная хозяйка их сада, а послушная; та, что, как лошадь в шорах, будет ходить по кругу и видеть только то, что ей дозволено. Та, что рано или поздно нарушит их законы, просто не зная о них, не зная, насколько жутким будет наказание.

– Слуги боятся меня, – перебила я тогда ее речь. – Я слышала их шепот: по ночам в моем окне горят зеленые огни, а в комнате пахнет осенним лесом и гнилыми листьями. Они не врут – я и сама видела, как за ночь густой зеленый мох вырастает на камнях в камине. Только если всю ночь поддерживать огонь, сырость отступает. Но разве хоть одна из горничных согласится на это? Слуги боятся меня, и я не могу их винить.

– О, дорогая, – невесело усмехнулась мать, – ты еще не видела, что по ночам творится в моих покоях.

Больше мы к этому разговору не возвращались. Наследницей и хозяйкой так и осталась Элизабет, и в глубине души я была этому рада. После пиршества дивных соседей я не могла смотреть на красные яблоки, не могла без отвращения вспоминать сладость их мякоти. Стоило взглянуть на них, и тут же, как наяву, представлялась кровь, стекающая по дивным лицам, кровь, что яблочным соком запятнала мои пальцы.

Я жила тенью в собственном доме, изгоем, общества которого не чурались лишь двое – мать, однажды сама взглянувшая в глаза дивных соседей, и Маргарет, еще по-детски бесстрашная и мечтательная. Так продолжалось до осеннего равноденствия. Матушка уехала за неделю: слуги поговаривали, что в столицу, аж к королю, но сами не верили своим словам. Разве он снизойдет до своих вассалов?

Прислуга расслабилась, распустилась, больше сплетничая, чем работая. Мне казалось, что шепот преследует меня на каждом шагу. Элизабет ворчала: ее власть наследницы и преемницы заканчивалась за границей сада – в поместье слуги относились к ней с натянутым почтением, нелюбовью, смешанной со снисхождением. Ее приказы исполняли спустя рукава, и Элизабет трепетала от едва сдерживаемой злости – ведь Маргарет баловали, тайком подсовывая ей самые сладкие кусочки, с истовой радостью выполняли любой каприз. Меня же и жалели, и боялись, и любую просьбу спешили выполнить побыстрее, чтоб избавиться от моего присутствия,

а после, тайком, подсовывали угощения.

Элизабет меня недолюбливала – может, считала, что я все еще угрожаю ее эфемерной власти. Но она единственная без дрожи входила в мою комнату, смотрела на вьюны в камине равнодушным взглядом, словно не замечая их, когда даже храбрая в своей наивности Маргарет не решалась переступить порог моих покоев.

За ночь равноденствия стены моей комнаты сплошь покрылись густым мхом, а между плитами пола пробились мелкие бледные грибы, тонкие и полупрозрачные.

Начиналось темное время года, когда солнце бежало от нас, скупясь на тепло. Все дольше горели костры в полях, все быстрее прогорали свечи, а в сгущающихся тенях мне мерещились тонкие угловатые силуэты, бледные хрупкие пальцы и мелкие острые зубы, словно дивные соседи следили за мной, за каждым действием, жестом, мыслью. Словно явились лично полюбоваться на результат своей шутки.

Я запретила себе думать о них, запретила себе вцепляться в рябиновое ожерелье, обжигающее кожу.

Железо в моей комнате проржавело насквозь. Однажды ночью я взялась за подсвечник, чтобы спуститься на кухню и зажечь свечи от очага – огонь, который высекала я, не разгорался, потухал, исходя дымом, – и подсвечник рассыпался в моих руках, оставив после себя ржавые пятна на пальцах.

Возвращения матери я ждала с нетерпением и надеждой: казалось, стоит истинной хозяйке поместья ступить на подь-

ездную дорожку, как все безобразия и ужасы прекратятся и добрый народ уймется. В конце концов, они и так уже достаточно оплатили за неуважительное любопытство.

Мать вернулась за десяток дней до Самайна, когда селяне уже вовсю собирали орехи для праздничного угощения и резали на зиму скотину. Стоило ей переступить порог дома, как привычное течение жизни восстановилось само собой: огонь перестал отливаться зеленым по краям, в скрипе половиц затихла едва угадываемая тоскливая мелодия, а мох на стенах и ржавчина на железе оказались всего лишь игрой света и тени.

Только сломанный подсвечник и напоминал о чарах добрых соседей.

Мать была довольна. Она даже не отчитывала слуг, нерасторопно ее встретивших. Когда она сменила дорожную одежду на свободное домашнее платье и устроилась у окна террасы, я пришла к ней рассказать о горестях своих и тревогах, как в детстве. Она слушала, медленно прихлебывая горячее вино со специями, не отводя взгляда от бесприютного, голого осеннего сада. Со стороны казалось, что она поглощена своими размышлениями и обращает на мой голос внимания не больше, чем на потрескивание поленьев в камине, но я чувствовала: каждое мое слово взвешивается и оценивается тщательнее, чем монеты в лавке менялы.

Допив вино, она еще долго сидела в молчании, баюкая в ладонях чашу. Моя история уже давно подошла к концу, но

я осталась рядом с ней, наблюдая, как с яблоневых деревьев ветер срывает последние листья. Мать заговорила, только когда за окнами совсем стемнело, а на стекле проступили наши размытые, зыбкие отражения.

– Тебе не о чем волноваться. – Даже после горячего вина голос ее звучал тихо и сипло, словно накануне она спорила с кем-то до хрипоты, не жалея сил. – Отправляйся спать, отныне твои сны будут безмятежны. Можешь снять рябиновое ожерелье – оно тебе больше не пригодится. Там, куда ты отправишься, тебе будет больше не нужна защита.

– Вы... выгоняете меня, матушка? – дрогнувшим голосом спросила я, сдерживая подступающие рыдания.

– Ну что ты. Этот отъезд для твоего же блага.

В этом я не сомневалась. Но как ни назови происходящее, суть его не изменится. Пусть матушка любила меня и гордилась мной, но дальше делить стол и кров с той, что навлекла неудовольствие добрых соседей, она не могла. В конце концов, у нее были еще две дочери, она должна защитить и их.

Ночь я провела без сна и покоя, блуждая по коридорам и прощаясь с родным поместьем. Завтра слуги будут делиться новой сплетней о неуспокоенном и проклятом призраке старшей из дочерей хозяйки, исчезнувшей в темное осеннее утро. Уезжать мне предстояло до рассвета, и никого я не позвала собрать мои вещи, чтобы никто не узнал, как жестоко обошлась со мной мать и как я оплакиваю ее жестокость. Конечно, когда вернется кучер, которому несколько дней пра-

вить моим экипажем, сплетни потеряют свою туманную, загадочную вуаль, под которой останется грубый и неприглядный костяк правды.

– Я договорилась с королем – и не спрашивай, какую цену он за это запросил! – и ты станешь жить при дворе в Каэд-море.

– Не лучше ли быть изгоем в своем доме, чем прислугой – в чужом? – горько усмехнулась я, пытаюсь сквозь туманные утренние сумерки разглядеть лицо матери.

– Не прислугой, моя милая. Младший королевич нашел себе невесту. Говорят, она из селян, глупа и груба. Говорят, она столь прекрасна, что ни одна из прославленных столичных аристократок не сравнится с ней. Тебе предстоит стать ее придворной дамой, подругой и наставницей, обучать ее петь и вышивать, молчать и улыбаться. Ты станешь ее доверенным лицом и верной подругой, названной сестрой. Не лучше ль войти в новую семью, если в старой тебе не нашлось места?

Я улыбалась так, что болели щеки – только бы сдержаться и не заплакать.

– Разве добрые соседи так легко отпустят свою игрушку?

– Вдали от своих земель они слабы. – Мать говорила с такой уверенностью, что я поняла: она сама не верит своим словам. На мгновение она замялась, затем медленно, словно сомневаясь в каждом действии, сняла с безымянного пальца тоненькое блеклое кольцо. – Возьми его. Не снимай и не от-

давай – холодное железо редкость в наших землях.

Она положила мне на ладонь крошечный тусклый ободок и, резко развернувшись, пошла по тропинке к дому, зябко кутаясь в плащ.

– Подожди, – окликнула я, нервно искусав губы. Я шагнула за ней, словно пытаюсь схватить за полу плаща и удерживать. – Почему тебе они простили любопытство? Почему тебе позволили стать хозяйкой их сада?

Она замерла, мне даже показалось, что вздрогнула, но утренние сумерки были лживы и изменчивы.

– Потому что, – медленно, будто выдавливая каждое слово, говорила мать, не оборачиваясь, – я вышла к ним и склонилась перед ними. И потому что у меня не было братьев или сестер, и у дивных соседей был единственный выбор: признать меня хозяйкой или нарушить договор самим и понести наказание.

Я знаю одно: когда она шла к дому, она не сдерживала слез, и только это знание позволило мне не разрыдаться самой.

3

В провинции о невесте королевича говорили мало: только о ее красоте ходили слухи, тихие и осторожные, чтобы не дошли они до острых ушей завистливых соседей из полых холмов, лесных чащ да гнилых болот. В маленьких городах и отдаленных имениях юная королевна была ожившей сказкой, магией, обретшей плоть и кровь. О помолвке еще не было официально объявлено, а барды по трактирам уже распевали сладкие песни о волшебной и пламенной любви младшего королевича к простой служанке, а кумушки на базаре вздыхали, что только такие прекрасные девы, чистые и душой, и телом, должны восседать по левую руку от короля.

Но чем ближе я подъезжала к столице, тем злее и желчнее становились слухи. Говорили: невеста не так глупа, как хочет показаться, – очаровала же королевича, сковала его волю, вынудила забыть о высокородных леди и привести во дворец ее, селянку, без роду и племени. Говорили: она груба и сварлива, не успела еще примерить обручальный браслет, а уже забыла и как сама в золе на кухне спала, и как котлы драила, глаз поднять не смея. Помыкает слугами, голос повышает да и руку поднять не гнушается, чуть что не по ней приходится.

В пригороде столицы, на постоялом дворе, где я остановилась на последний ночлег, прежде чем предстать перед королем, пышнотелая подавальщица в накрахмаленном передни-

ке громогласно жаловалась на королевну, насквозь пробившую руку королевской швее длинной булавкой.

Мне даже представить было страшно, какими замысловатыми путями, через чьи слова дошла сюда эта история.

– Ах, ужас-то какой! – причитала толстуха, пока ее товарки, обделенные вниманием публики, споро разносили по столам миски с ароматным рагу. – Девке этой ткань не по нраву пришлась, мол, недостаточно мягкая и яркая, подумать только! Да что она в ткани-то понимает, в жизни ничего, кроме котлов, не видевши!

Я сомневалась, что подавальщица смыслит в дорогих тканях больше, но это не мешало ей возмущаться, словно сама она соткала тончайший шелк для юной возлюбленной королевича.

Мой кучер, Грег, сумрачный и неразговорчивый мужчина, нетерпеливо барабанил пальцами по столу, дожидаясь ужина. Из-за словоохотливой бабы, с готовностью чернящей имя королевны, в таверну при постоялом дворе народа набилось больше, чем усталые подавальщицы успевали обслужить. Я прислушивалась к болтовне с интересом, пытаюсь нарисовать в воображении образ моей будущей подопечной. Почему-то представлялась Маргарет: юная девушка, только-только перешагнувшая порог детства, избалованная всеобщим восхищением и потому не понимающая, где проходит грань меж милой причудой и злым капризом. Ее можно любить и лелеять, но уважать – помилуйте боги – за что?!

Я поправила тусклое кольцо на пальце и печально улыбнулась, вспоминая семью. Деятельная Элизабет, уверена, испытала облегчение, когда я исчезла. Хотя она и была полноправной наследницей, мое присутствие ее волновало, словно она постоянно ждала удара, ждала, что я начну претендовать на крохи ее власти.

Толстуха начала пересказывать сплетню в третий раз, для новых посетителей. Усталые горожане, небогатые, с грубыми руками и потухшими глазами, жадно ловили каждое слово, вместе с рассказчицей распаяясь до слепого гнева. Кажется, подавальщица уже не стеснялась добавлять в рассказ и нафантазированных деталей, изобретательно черня невесту королевича, изображая ее чуть ли не злобной ведьмой. Пожалуй, у нас даже няньки непослушных детей так не пугают сказками о добрых соседях, как простой люд в столице треплет имя королевны.

Наш ужин принес сам хозяин, подал с услужливым поклоном. На громогласную рассказчицу он косился с одобрением: на ее побасенки сбежалось чуть ли не полгородка, в таверне не то что яблоку – горошине упасть было негде! А каждый из посетителей хоть кружку пива да взял.

Я чувствовала себя неуютно среди такого столпотворения. Казалось, в одном зале сейчас шумит больше людей, чем я видела в нашем тихом поместье за всю свою жизнь. Все галдели, переговаривались, и голоса сливались в гул, из которого вырывалась надрывающаяся болтовня подавальщицы.

Грег смотрел на меня с волнением.

– Госпожа, – нерешительно коснулся он моего рукава, – может, вам в комнату подняться и там уже того, отобедать? Всяко тише будет.

Старый и заботливый, он помнил меня еще вздорным ребенком, вечно пробирающимся на конюшню всеми правдами и неправдами. Я уже давно выросла и оставила глупые детские забавы, а Грег все еще смотрел на меня, как на чужеземца, гордо восседающего на копне сена.

Я благодарно улыбнулась ему, польщенная заботой, но отказалась. Я все еще надеялась услышать в болтовне горожан хоть что-то хорошее о девушке, чьей наперсницей мне предстояло стать. Тщетно.

Я успела доесть горячее и сытное, но на удивление безвкусное рагу, а горожане – приняться за обсуждение цен на рынке, налогов и соседей, и никто так и не сказал о королевне ни одного доброго слова.

Чем ближе я подъезжала к Каэдмору, тем злее поминали невесту королевича.

Что же я услышу в самой столице?

К дворцу мы подъехали в час, когда вечерние сумерки сгустились до синей ночной темноты. Мягким и желтым светились окна домов на узких мощеных улочках, беспокойным и зеленым – фонари на перекрестках и площадях. Придерживая занавеску, я с интересом выглядывала в окошко экипажа, любуясь городом, в котором мне предстояло жить если не

до конца жизни, то до ее середины. Высокие каменные дома с узкими окнами-бойницами внушали трепет, и даже ажурные украшения карнизов и стен не могли изменить впечатления. Тонкие башни тянулись к небу, изогнутые мосты отражались в спокойной речной воде, а от близкого моря пахло солью и йодом.

Мы проехали мимо черной громады парка, больше похожей на кусок чащи древнего заповедного леса, чудом сохранившегося в каменных тисках столицы. Среди деревьев мелькали зеленые огни, похожие на болотных светляков добрых соседей. Я поежилась и задернула занавеску, пытаюсь себя убедить, что это всего лишь странные фонари, что горят по всему городу. Может, королю служит старуха-ведьма, что каждый день с приходом темноты разжигает колдовской огонь и отгоняет ночных тварей?

Я схватилась за кольцо матери, словно оно могло утешить или защитить меня вместо нее самой. До слез жутко было ощущать свое одиночество, покинутость, незащищенность в чуждом и странном городе.

С теплотой я думала о Грее, последнем кусочке прежней беззаботной жизни. Но и он, и он скоро меня покинет.

У ворот дворца меня встретили. Тучный мужчина со щегольскими усиками и темными хитрыми глазами с поклоном помог мне выбраться из экипажа.

– Миледи, – в широкой улыбке мелькнули крупные зубы, – позвольте вас поприветствовать в резиденции Аргей-

лов!

Я склонилась в реверансе. Должно быть, моим встречающим оказался тот самый жуликоватый дворецкий, о котором уважительно и иронично рассказывала нам мать. Его темный камзол мог показаться скромным, подходящим самому старому, самому бедному слуге, но я разбиралась в тканях и видела, что один его костюм стоит больше, чем гардероб обеих моих сестер.

Похоже, я не смогла скрыть удивления, и дворецкий, весело подмигнув мне, с доброй и покровительственной усмешкой сказал:

– Госпожа, ваше удивление так предсказуемо! В этом вы не отличаетесь ни от матери своей, ни от заносчивых нобилей из восточных провинций.

– О, прошу меня извинить, лорд... – Я замялась, вспомнив, что матушка ни разу не упоминала его имени.

– Просто Гилмор, миледи. Моя кровь самого плебейского цвета – красного.

– Сэр Гилмор. Увы, я пала жертвой предрассудков, ведь в наших краях удивить всех красотой одежды стараются и лендлорд, и садовник. Первый повесит на шею золотую цепь потолще да выберет перстни с камнями побольше, а последний так отполирует железные пуговицы, что блеснуть они будут ярче, чем цепь лендлорда.

– О, слушать о нравах отдаленных уголков нашей благословенной Альбрии невообразимо приятно, особенно когда

повествует о них ваш нежный голос, юная леди! Но королю уже доложили о вашем приезде, и после историй вашей матери он ждет не дожидается взглянуть на вас, чудесное сокровище! Позвольте же скромному слуге указать вам дорогу?

Дворецкий снова поклонился, но в этот раз под тонкой вуалью вежливости скрывалось требование подчиниться чужой воле, холодной и равнодушной.

Вот так и началась моя новая жизнь. Я в последний раз оглянулась на Грега, нахохленного, словно старый ворон. Сэр Гилмор, неверно истолковав мое замешательство, поспешил меня успокоить:

– Леди, не волнуйтесь о мелочах. За время аудиенции слуги перенесут ваши вещи в подготовленные покои. О, я уверен, вы полюбите их, как только перешагнете порог! Меж изумрудных портьер с бронзовыми кистями по утрам пробивается солнечный свет, нежный, как засахаренные персики. Самые мягкие подушки с вышивкой золотыми и серебряными нитями разложены по кровати. Выделанные шкуры животных, самых свирепых и огромных хищников, каких только способны добыть наши охотники в темные и суровые зимы, укрывают пол, чтобы ваши нежные ступни не мерзли. Стены украшены мозаиками из крошечных цветных стекол и самоцветов с таким искусством, что в зыбкие вечерние сумерки вам легче будет поверить, что вокруг вас не старые камни замка, а светлая дубрава! А витражи в окнах подобны чуду, они...

Слушая его складную, текучую речь, я позволила увести себя прочь от экипажа, в котором приехала, от Грега, от прошлого. Я шла за сэром Гилмором, замороженная, и мне хотелось верить ему, что я действительно смогу легко полюбить и новые свои покои, и новую жизнь.

Меня приняли в маленькой гостиной, освещенной множеством толстых свечей из молочно-белого воска. Их свет отражался в отполированном зеленом камне, изумрудные огоньки мигали, как глаза добрых соседей в густой темноте вечернего леса.

Король и его сыновья сидели за круглым столом. У самого молодого, златоволосого, в руках покачивалась круглая чаша, и легкий пар вился над ней. Его брат, наследник престола, сидел, сцепив перед собой пальцы в замок, его сумрачный взгляд скользил по зеркальной глади стола. Король же откинулся на спинку высокого стула, руки расслабленно покоились на подлокотниках. Лицо его было спокойно и величественно, и седина в черных волосах венчала его вернее короны.

Еще три чаши стояли на столе. Меня ждали.

За спиной со скрежетом закрылась дверь, и королевское семейство обернулось на звук. Прятаться в тених было уже невозможно, и я покорно шагнула к столу, как на эшафот, и присела в поклоне, ощущая на себе легкие взгляды, словно сухие опавшие листья.

– Присаживайся, дитя. – Голос короля невозможно было не узнать или спутать; он говорил, и в каждом слове звучали сила и власть, и мир покорялся им. И я покорилась. – Жанет

Холланд, верно?

– Да, Ваше величество.

Шелест моего платья оказался громче голоса. Робея, я вцепилась в кольцо, сжала его, как ладонь матери, ища поддержки, ища помощи.

– Старшая? – Голос наследника звенел резко, как металл, ударяющий о металл. И глаза его были – холодные, стальные, колючие, даже в лживом пламени свечей, смягчающем и самое острое лезвие. – С каких это пор наследницу спешат не замуж выдать, а служанкой к безродной девке пристроить?

Я дернулась, как от удара, хотя матушка не обманывала меня насчет моей судьбы, и всю дорогу до столицы я повторяла себе эти слова.

– Не стоит, Рэндалл, – добродушно улыбнулся король, и тишина тут же укрыла каждого из нас, окутала, как мягким одеялом. – Не оскорбляй ни гостью нашу, ни невесту брата, хоть и не по душе тебе она.

– Они ведь скоро станут нашей семьей, Рэндалл, – мягко добавил младший из королевичей, опуская глаза в чашу, словно заглядывая своему отражению в глаза.

Рэндалл нахмурился, но возражать не осмелился, ибо молчаливое одобрение отца его, властителя над нашей землей и нашими жизнями, было разлито в воздухе. Оно касалось кожи мягким теплом, окутывало вуалью, ограждая от чужой холодной злобы.

– Именно так, – кивнул король, и взгляд его, полный без-

брежного спокойствия, скользнул по моему лицу. – Холланд... Холланд. Род столь старый, что помнит первые камни нашей земли и первые травы, укрывшие белые кости тварей, не знавших руки человека. Твои предки могли бы править страной, юная Джанет, но выбрали край лесов и болот.

– Они не выбирали, – тихо возразила я, глядя на переплетенные на коленях пальцы и не осмеливаясь поднять взгляд. – Они взяли то, что осталось. Ту землю, которая согласилась признать их... нас за хозяев.

– Селянские суеверия! – снова резко и отрывисто, словно не разговор в семейном кругу вел, а кровавый поединок, бросил Рэндалл. – Мой младший братец знает в них толк. Не так ли, Гленн?

Гленн продолжал молча улыбаться, не отрывая взгляда от чаши, поднимающийся пряный пар размывал черты его лица, и казалось уже – вот не улыбается младший королевич, а кривится гневно, хмурит брови, и в глазах недобрые мысли мелькают.

– Пока столица идет в ногу с наукой, – продолжил насмехаться Рэндалл, – спешит угнаться за континентом с их железными поездами и дорогами, соединившими в единую сеть даже отдаленные и забытые богами уголки страны, в наших провинциях множатся суеверия да бессмысленные и опасные ритуалы. Необразованные селяне предпочитают верить не в науку, а в пучки трав да в фейри из соседнего холма!

Я не сумела сдержать дрожь, как бы ни вцеплялась в коль-

цо, ни пыталась отстраниться, успокоиться. Добрых соседей никогда не называли по имени. Назовешь – и призовешь, беду накличешь, гостя пригласишь, а выпроваживать как? Вот огоньки свечей дрогнули. От моего ли резкого движения – или чужой и незримый дух наведался? Моя ли тень колеблется на стене или кто-то из ближайшего холма ли, болота ли пришел провести ледяными пальцами по моей шее?

Конечно же, старший королевич заметил, как я испугалась и занервничала. Он обернулся ко мне, пригвоздил стальным взглядом к стулу, и я застыла, прямая и недвижимая.

– Леди Холланд, скажите, – безукоризненно вежливо улыбнулся он, – в ваших краях верят в фейри? Верят, что бусы из красных ягод отводят беду, а щепка дуба способна прогнать мертвых?

– Боярышника, – почти шепотом поправила я. Горло от волнения сдавило, и даже дышала я медленно, неглубоко. – Боярышника, а не дуба.

Рэндалл удовлетворенно откинулся на спинку стула.

– Вот видишь, отец. Не знаю даже, что веселее: то ли слепая вера в неуспокоенных мертвецов, то ли в то, что крошечным куском дерева их можно прогнать! А ты хочешь провести туда железную дорогу и привезти ученых в этот край безграмотности и невежества!

– Сначала дороги построим, – благодушно усмехнулся король, покачивая в ладонях остывающую чашу. – А там и здравомыслие с образованием появятся. Леди Холланд, ди-

тя, не стесняйся, попробуй взвар. Может, его сладость смоет горечь от злых слов моего сына.

Я покорно поднесла ко рту чашу, но замерла, так и не смогла сделать глоток. Сладкий запах ударил мне в ноздри, и я узнала его. Запах закатных лучей, весенних дождей и ранних туманов. Запах медовой мякоти и блестящей алой кожуры. Запах гниения и крови, сморщенных яблок на камне-алтаре под самой сенью леса.

В чаше моей, в густой темной крови, пахнувшей гнилью и болезнью, покачивались кусочки яблок, снежно-белые, пахнущие сладко и тошнотворно.

Сглотнув и закрыв глаза, я изобразила удовольствие от напитка, но поспешила отставить чашу.

– Это для нас, отец, – скривил губы Рэндалл, – взвар этот – праздничный напиток. Леди Холланд, с садами ее-то матери, такими угощениями не удивишь.

Вода, травы, ягоды и яблоки. Травы и ягоды – вот что было в моей чаше. Но вставало перед глазами иное, и не могла я себя пересилить, не могла притронуться к напитку.

– А во что верите вы, Джанет? – Голос Гленна звучал медленно и певуче, он растягивал слова в одном ему ведомом ритме. Только сейчас я заметила, что за всю беседу он так и не посмотрел на меня, единственный из семьи. Мимолетный взгляд при приветствии – вот и все, чего я удостоилась.

– Разве это имеет значение? – уклончиво улыбнулась я, нервно покусывая губы.

Эта странная встреча больше походила на театральную мистерию. Только исполняли ее не проезжие лицедеи для неприхотливых селян, а королевичи – для отца ли своего, друг для друга ли. Я же оказалась зрителем случайным, невольным и непонимающим, мало того – вовлеченным в эту странную постановку в одной из главных ролей.

Вот только сама я не знала этой роли.

– Разве тебе еще не ясно, Гленн? Юная Джанет верит в фейри, сушеные травы и заячий помет. Ты можешь радоваться: она легко найдет общий язык с твоей ненаглядной Элеанор!

Имя невесты младшего королевича прозвучало, как удар топора о плаху, как последний, добивающий выпад, скрежет железа о железо. Гленн вздрогнул и впервые взглянул на брата, то ли гневно, то ли жалобно сжал губы. А я ужаснулась его мутным, словно затянутым патиной тумана глазам. Глазам, которых коснулась магия лесов и болот, холмов и урочищ. Зачарованный, со смесью ужаса, жалости и любопытства, поняла я и устыдилась своих чувств.

Что же он видел своим затуманенным взором, какой мир разворачивался перед ним, раз он предпочитал смотреть не в родные лица, а в свое отражение, искаженное паром?

– Да, брат, ты прав.

И голос его звучал тягучим напевом, как под музыку, которую только он мог слышать. И нотки гнева впервые мелькнули в этой мелодии.

Рэндалл лишь сильнее стиснул челюсти да сжал чашу так, что я удивилась, как же она не пошла трещинами, не разлетелась на части. Старший королевич действительно вел не разговор, а схватку – но не со мной, нет. Я оказалась чем-то средним между невинной жертвой и невольным союзником. Но в своем оголтелом отрицании чар и хозяев всех чародейств старший королевич не мог осознать, что схватка его с колдовством, затуманившим разум брата, не имеет смысла.

Он думал, что спасает брата, но на деле убивал его – медленно, отрезая по кусочку, позволяя ему истечь кровью. И видел в этом проявление своей чистой братской любви.

Но крови в наших чашах уже достаточно.

– Ваше высочество, расскажите мне об Элеанор. – Я поспешила прервать зловещую тишину до того, как воображаемый меч, уже пробивший броню, вгрызется в плоть.

– Элеанор, – эхом повторил Гленн и снова опустил взгляд на свое отражение. На свое ли? – Она – лилия, звезда долин...

Он говорил о ней, воспевал ее, боготворил ее; даже в гимнах Хозяйке Котла славословий было меньше, чем удостоилась неведомая Элеанор.

Я вслушивалась в каждое слово, низкой нотой растекающееся по гостиной, но я хотела узнать из его речей не о своей подопечной. За колдовским туманом, пронизавшим каждый звук, я пыталась найти хоть искорку истинной любви и теплоты, но лишь морок и колдовство текли с его губ, нава-

ждение и обман.

Когда он замолчал, тишина навалилась на нас, смяла со всех сторон, сдавила так, что не вздохнуть. И король, и наследник смотрели на Гленна с горечью и отчаянием, не скрывая своих чувств, не пряча их за вежливыми улыбками.

Одна из свечей догорела и с шипением испустила тонкую струйку дыма.

Стук, с которым на стол опустилась чаша Рэндалла, расколол тишину на четыре части – для каждого из нас.

– После такой... прочувствованной речи, – Рэндалл едва заметно нахмурился, но продолжил растягивать губы в неестественной вежливой улыбке, – юной Джанет стоит непременно самой убедиться в правдивости твоих слов, брат мой. Я провожу.

Дождавшись молчаливого позволения отца, он поднялся и подал мне руку, и я покорилась, встала, спеша покинуть эту семейную встречу, отравленную приторным ароматом чар и отчаяния. В дверях оглянулась. Гленн все так же не отводил взгляда от чаши, улыбался своим мыслям, и пламя догорающих свечей золотило его волосы. Глубокие тени падали на лицо короля, старя его, превращая в выщербленное каменное изваяние.

Когда двери за нами захлопнулись, отрезав от гостинной и оставив в сухой тишине, Рэндалл устало прикрыл глаза, на одно мгновение из злоязыкого королевича превратившись в простого, слабого человека. Словно маска растворилась, за-

бытая и ненужная.

Но есть маски, которые носили столь долго, что они вросли в кожу и кости и сами уже диктовали волю своему хозяину.

Когда Рэндалл поднял лицо, он снова был невозмутим, а в светлых глазах мелькала сталь, готовая напиться чужой кровью.

– Во-первых, леди Джанет, – сухо произнес он, властным жестом отсылая молчаливую прислугу, – позвольте принести вам извинения. Как вы, надеюсь, поняли, я не ставил себе цель нанести оскорбление вам или вашей благородной семье.

Я покорно кивнула, принимая извинения. Но согласие мое его не интересовало – он даже не смотрел на меня, шел, указывая путь сквозь залы и коридоры, и слуги исчезали перед нами, покорные его воле.

– Вы вошли в нашу семью в темные для нее времена. Не вздрагивайте удивленно! Если отец сказал, что отныне мы одна семья, то слова его не фигура речи. Буду честен – только благодаря мрачным временам отец и вспомнил о родстве Аргейлов и Холландов. Если бы не капля общей крови, никакое золото, никакие яблоки – хоть из цельных рубинов и турмалинов – не открыли бы перед вами двери нашего дома. Поэтому, – он обернулся, несколько темных прядей упали на глаза, и тени от них старыми шрамами пересекли лоб, – помните об этой общей капле крови и ведите себя достойно, как и подобает младшей дочери королевского дома.

Он перевел дыхание и плотно сжал губы. Дерзкие слова покалывали кончик языка, и я не думала даже их сдерживать. Потерявшая год жизни на тропях дивных соседей, что могла я потерять еще?

Разве что саму жизнь.

– Гленн, похоже, о том, что достойно и подобает королевичу, забыл?

Рэндалл прищурился:

– Из поездки по провинциям можно привезти любую гадость – от карточных долгов до срамных болезней. Мой брат привез худшее – невесту.

– Я много слышала о его любви. О ней уже слагают сказки, баллады и легенды.

– О, вы и сами уже увидели, что сотворила с моим братом эта легендарная и сказочная любовь! Уверяю, до этой проклятой поездки единственные женщины, что интересовали Гленна, обладали четырьмя ногами и хвостом! Суки и кобылы, охоты и выезды – вот на что он тратил свое время! А теперь он говорит лишь об Элеанор, думает об Элеанор, видит везде Элеанор! И я устал один бороться за разум брата.

– А Его величество?..

– А отец, – с горечью выдохнул Рэндалл, опуская плечи и ссутулившись, – считает, что если капризам Гленна потакать, то он быстрее их перерастет. Правда, не знаю, – с неожиданной озлобленностью продолжил он, – как к этому относится женитьба на деревенской шлюхе! Даже если по-

может...

– Не поможет, – тихо и твердо перебила я. Кольцо холодило палец, и кожа онемела, и стынь от железа проникла в самые кости, в самую мою суть, вместо эмоций оставляя леденящую стальную решимость. – Это не любовь, это чары...

– Джанет, – прервал Рэндалл, и маска злобного спокойствия вновь укрыла его истинное лицо, словно самый надежный щит, – меня не интересует, во что вы верите, чего боитесь и чему поклоняетесь, пока это касается исключительно вас. Я не для того уговорил отца принять вас, чтобы вы лепетали о своих провинциальных суевериях.

Твердо взяв меня под локоть, королевич провел меня через галерею и просторный зал, и наши силуэты отразились в темных стеклах, похожие больше на призраков, чем на живых людей. У двери из красного дерева Рэндалл остановился:

– Мне нужен союзник, Джанет. И я выбрал вас. Обучайте эту девицу, воспитывайте ее, *следите* за ней. И не разочаруйте меня.

И с этими словами он распахнул передо мной дверь.

Она действительно была похожа на Маргарет. Те же длинные золотистые пряди, выбивающиеся из любой прически, тонкая прямая спина, осанка, которой не все особы королевской крови могли бы похвастаться. Белая кожа, словно ни разу не тронутая солнцем, знавшая только влажную тень леса да мягкие прикосновения тумана.

А потом она обернулась, и узнавание разлетелось в мелкое крошево, словно чаша из тончайшего хрусталя.

У Элеанор ясные голубые глаза, как у Маргарет. У Элеанор полные мягкие губы, как у Маргарет. У Элеанор луком изогнутые брови, как у Маргарет.

Но она не Маргарет.

Ибо у моей сестры никогда не было такого недоброго и надменного выражения лица. И единственного взгляда мне хватило, чтобы вспомнить все злые и грязные сплетни о прекрасной невесте королевича, вспомнить – и безоговорочно поверить им.

– Приветствую, Элеанор. – Рэндалл даже ждать не стал, когда девица вспомнит об этикете и склонится перед ним. Под искусной улыбкой сытого хищника он прятал гнев и брезгливость. И мне стоило поучиться у него скрывать свои чувства. – Позволь представить тебе леди Джанет, твою первую придворную даму и – в скором времени – родствен-

ницу.

Элеанор не соизволила встать, так и сидела в пол-оборота, и причудливый танец теней скрывал ее лицо, только глаза блестели, отражая огоньки свечей.

– Разве я не могу сама выбрать себе придворных дам? – наконец произнесла она, даже не пряча капризные и недовольные нотки в высоком голосе. – А вдруг мне *эта* не понравится?

– Тогда тебе придется смириться. – В широкой улыбке Рэндалла блеснули зубы, но я не сомневалась – с большим удовольствием он впился бы ими в тонкую шейку Элеанор. – Леди Джанет здесь не для того, чтобы тебе нравиться, а чтобы обучать тебя. Чтобы не стыдно было тебя людям показать.

Королевич снова одарил Элеанор улыбкой сытого хищника и вышел, растворился в темноте коридора до того, как девица оправилась от возмущения.

Только рядом с королевичем Элеанор казалась слабой и беззащитной, святой ланью рядом с волком. Оставшись с ней наедине, с внезапной ясностью я осознала, что заперта вместе с крысой, а не ланью.

А крысы в иных случаях бывают гораздо опаснее волков. Обуздав свою гордость, забыв о чести своей и величии предков, я склонилась перед безродной девчонкой. О, как я в этот момент понимала ярость Рэндалла! Вежливо расшаркиваться с той, которая несколько месяцев назад драила котлы и пасла свиней, которая лишь по капризу, по глупости

брата стала равной ему, наследнику! Но Рэндалл мог смирить свою злость ради Гленна, я же – видя, что не глупость, не любовь, а тайные темные чары всему виной, – не желала себя смирять.

Но там, где наследник под щитом улыбки мог бросать безукоризненно вежливые оскорбления, я была вынуждена улыбаться, опустив глаза и прикусив кончик языка, глотая злые слова.

«Ты сама виновата, – твердила я себе, все сильнее и сильнее стискивая холодное кольцо, – ты сама виновата».

Элеанор долго и подозрительно молча меня разглядывала, не понимая, подсунули ей жертву на убой или же надзирателя. И не подозревала она, что мне предстоит стать для нее и тем, и другим.

– Ты действительно леди? – наконец спросила она, вглядываясь в мое лицо, словно пытаясь найти хотя бы тень отвращения или презрения – эмоций, за которые она могла бы возненавидеть меня и растерзать.

– Да. – Я подняла на нее глаза, загнав все мысли в самую темную и холодную часть души, в мою внутреннюю чашу с мертвыми деревьями и оголодавшими монстрами. – Моя семья состоит в дальнем родстве с королевской фамилией, земли наши на севере страны обширны и знамениты своими садами и...

– И красными яблоками! – воскликнула девица, и глаза ее нехорошо загорелись. Зависть и алчность читались в их

глубине так ясно, словно и не было в Элеанор ничего, кроме них. Розовым язычком она облизнула губы, мелькнули зубы, крупные и белые. Вздохнула. – Одно такое я попробовала только во дворце. И мне отказываются принести еще! Говорят – только на праздник, говорят – не раньше свадьбы!

Прикрыв на мгновение глаза, она несколько раз глубоко вдохнула, успокаиваясь.

– Но тебе, пожалуй, меня не понять. Вряд ли для тебя эти яблоки – настолько драгоценное лакомство. – Она говорила подчеркнуто спокойно, но зависть, всепоглощающая черная зависть все еще отбрасывала тень на ее лицо. – Должно быть, ты каждый день могла выбирать себе самое большое и сочное.

Я только грустно улыбнулась. И наследный королевич, и недавняя селянка думали совершенно одинаково и совершенно одинаково ошибались.

– Для меня и моих сестер у матери были наготове совсем другие яблоки – зеленые и кислые, какими и селяне, случилось, брезговали. Красное она преподнесла мне лишь однажды. – И я с трудом проглотила готовое сорваться с языка «и я жалею, что не отказалась».

– И ты не пыталась послушаться? Наесться яблок тайком? – Она подалась вперед, и теперь в голосе ее звучало только бескрайнее удивление.

– Возможно, мать и не заметила бы исчезновения пары яблок из всего сада. – Я пожала плечами. Не то что говорить,

думать о подобном оказалось тяжело и непривычно, как о чем-то нарушающем незыблемые законы мироздания. – Но заметили бы слуги. Они всегда всё замечают, и чем больше ты хочешь сохранить что-то в тайне, тем быстрее они об этом узнают. И если бы я или мои сестры взяли хоть одно яблоко... прислуга решила бы, что раз мы сами воруем у себя, то и им это позволено. А это оказалась бы уже далеко не пара яблок.

Я перевела взгляд на ладони. Не представлять на них въевшиеся бурые пятна все еще было тяжело.

– К тому же мать приучила нас думать о яблоках не как о лакомстве, а как о драгоценности, которую можно продать. Даже вкус их мы узнавали лишь для того, чтобы знать их истинную цену.

– Цену! – пренебрежительно отмахнулась Элеанор, явно не слушавшая мои слова. Она сладко улыбнулась. – Если ты мне понравишься... если ты будешь хорошей придворной дамой, то сможешь есть эти яблоки вместе со мной хоть каждый день!

Я поспешно склонилась перед ней, опустила глаза – но не чтобы продемонстрировать признательность ли, почтительность ли. Нет. Ярость и отвращение отразились на лице, исказили черты, и я спешила скрыть их.

Искренность – слишком дорогое удовольствие, и я пока не могла себе ее позволить.

– Благодарю... леди. – Голос дрожал и срывался, но Эле-

анор решила, что я потрясена ее снисходительностью, и довольно прикрыла глаза.

– Леди... Мне нравится, что ты меня так называешь. В этом есть некая и-ро-ни-я, – она старательно, чуть ли не по слогам растягивая, произнесла лишь недавно выученное слово, – ты, аристократка, родня короля, склоняешься передо мной, безродной потаскухой – да, я знаю, во дворце меня величают именно так! Но для любви все равны, прямо как в старых сказках. И зови меня королевной. Свадьба, в конце концов, всего лишь вопрос времени.

И с довольной улыбкой она скользнула ладонью по животу, и мягкая ткань платья покорно обрисовала округлившийся живот.

Я старательно улыбнулась, чувствуя, как подрагивают уголки губ в натянутой гримасе. Наследник. Вот о чем говорил Рэндалл. Даже если Гленн одумается или чары развеются, все равно останется наследник, о котором уже всем известно. И лучше воспитывать его во дворце, под надзором соглядатаев и наставников, чем оставлять бастардом, приманкой для заговорщиков и авантюристов.

Что ж, теперь ясно, почему так спешат со свадьбой.

– Я поздравляю вас, королевна. – Я смогла произнести это ровно и безмятежно, хотя внутри у меня холодок царапал ребра. Словно выдуманные чудища из темной внутренней чащи обрели настоящие когти и спешили вырваться наружу.

Элеанор же улыбалась, ничего не замечая, кроме себя,

своей красоты и своего сияния. О, она так любила себя, что легко купилась на пару льстивых слов. То ли глупая, то ли наивная, то ли слепая.

– Я уверена, что ты мне понравишься, – проворковала она, отворачиваясь к зеркалу. Отражение ее, окруженное ореолом свечей, казалось ярким, отчетливым, настоящим даже в мутной истертой амальгаме. Мое же отражение за ее спиной так и осталось смутной тенью, размытым и нечетким силуэтом, словно призрак бессонной ночи.

И потому я особенно отчетливо ощущала фальшь в будущей королевне, ее манящую и лживую эфемерность, как у огонька над самой гиблой топью.

Конечно же, даже самые ужасные и неприглядные слухи и сплетни ввали о невесте младшего королевича.

Она оказалась еще хуже.

Не было в ней ничего, кроме свежести, красоты и приторной волшбы, что наполняла ее пустую, истощенную гордыней душу. Вот только не Элеанор чарами окутала Гленна и не Элеанор чарами увенчала себя.

А значит, и в королевском дворце не скряться мне от мест добрых соседей.

Время тянулось, словно нить из-под ловких пальцев умелой пряжи – гладкая, ровная, непрерывная. Год катился к Июлю; самые черные, самые тихие дни сменялись убийственно холодными ночами. Серебряные иголки морозного узора еще до полуночи оставляли следы-рисунки на окнах. Иногда я просыпалась достаточно рано, чтобы поймать редкие моменты тишины и снегопада. Парк укрывался снежной вуалью, словно пытался скрыть под ней мертвую осеннюю наготу.

Я всей сутью вращалась в это хрупкое безмолвие и равновесие, вспоминала дом, и сад, и как хрустит под башмачками сахарная глазурь первого снега на серой траве. Я многое отдала бы, чтобы выйти в королевский парк и изучить его в одиночестве – его дорожки и тупики, тайные тропы, старые деревья и похороненные среди их корней секреты.

Но я задерживала шторы и уходила прочь, почти уже ни о чем не жалея. Меня ждала Элеанор.

Заслужить довольную улыбку королевы оказалось до смешного легко: пара поклонов, лесть и согласие со всеми ее словами. Неужели никто во дворце не нашел в себе силы перебороть гордыню, забыть про честь ради исполнения королевской воли?

Или ни король, ни наследник не открыли никому своей

неприязни к Элеанор?

– Старший королевич, ну этот... Рэндалл, – сказала она однажды утром, когда я перевивала ее тяжелые косы нитками жемчуга, – он, похоже, слишком часто отирается рядом с моими покоями. Особенно в часы, когда ты со мною. Уж не очаровала ли ты его, моя Джанет?

Я сосредоточилась на движении пальцев, на чередовании прядей и нитей, и лишь потому смогла ответить ровно и спокойно:

– Тебе ли не знать, королевна, что чары не по моей части? Благородных дев учат смиренно молиться, а не перекраивать судьбу колдовством.

Элеанор довольно сощурилась, словно в очередной раз я подтвердила превосходство ее, простолюдинки, над теми, в чьих жилах еще текла чистая кровь древних королей.

– Видно, нет у наследника доверенных слуг, чтобы следить за мной. Пожалею же Рэндалла, вынужденного самолично подслушивать наши милые беседы о пустяках, – тихо рассмеялась королевна, терпеливо ожидая, когда же я закончу укладывать косы ее короной. Ожерелье из крупных алых бусин вокруг ее тонкой шеи тускло блестело, словно оберег из рябины или кровь из испорченного горла. Элеанор старательно перенимала мою манеру речи, пытаясь подменить воспитание подражанием.

Мне оставалось только улыбаться и молчать. Впрочем, в королевском дворце с самого своего приезда я только и де-

лала, что улыбалась и молчала.

Не говорить же Элеанор, что именно меня наследник считает своим соглядатаем? Но, даже Расскажи я это, мы обе только рассмеялись бы, словно над удачной и тонкой шуткой: ибо следить я могла лишь за тем, чтобы Элеанор научилась правильно подбирать украшения к нарядам и достойно себя вести.

Она не знала, что по вечерам Рэндалл ждал меня в темной гостиной, озаренной зеленоватыми фонарями, и требовал ответов.

– Она кажется влюбленной, – говорила я, – и бережет чувства вашего брата. Вряд ли сговоренная невеста притворялась бы лучше.

Но Рэндалл был недоволен.

– К ней никто не приходит, – говорила я, – ни с просьбами, ни с предложениями. И сама она не ищет ни с кем союза.

Но Рэндаллу было мало.

– За ней никто не стоит, – говорила я.

Но Рэндалл мне не верил.

И это была единственная ложь, которую я ему говорила. Но что поделать, если правда была неприятна ему настолько, что он отказывался в нее верить? Добрые соседи стояли за ней, а уж что они затеяли – хитрую интригу или жестокую игру, – мне то было неведомо.

– Она еще не доверяет мне, – говорила я, – и она гораздо умнее, чем хочет казаться.

И Рэндалл шурился, размышляя о планах, в которые меня не посвящал. Он учил меня, сам того не зная: улыбаться, когда губы сводит от желания оскалиться, шутить, когда всю тебя сотрясает гнев, подменять раздражение преданностью. Но я оказалась неспособной ученицей и плохо носила маски, так и не овладев искусством легко их менять – быстро, слишком быстро они заменили мне лицо.

Я даже помню, как это случилось, – на Самайн. Я не успела еще освоиться во дворце, удивлялась всему, сама немногим отличаясь от глупой Элеанор. В равной степени меня занимали и зеленоватые огни в настенных светильниках, и пышущие теплом стены в осеннюю хмарь. Сэр Гилмор, вдоволь потешившись над моим недоумением и вздохами о колдовстве, рассказал: несколько лет назад покои королевской семьи перестроили по технологии наших просвещенных соседей с континента, и теперь тепло само течет меж камней, так что даже в самые стылые ночи не требуется разжигать камин.

Но встречать Ночь Духов без живого огня я отказалась, и дворецкий сжалился над моими страхами. Я развела огонь и приготовила подношения, насыпала соль на подоконник и долго молилась Рогатому Охотнику, чтоб в эту ночь его копье поразило как можно больше темных тварей Аннуна. В полночь ко мне постучала Элеанор, белая, как самые свежие простыни на ложе новобрачной. Губы ее тряслись, и она даже не пыталась скрыть слез.

Она тоже боялась встречать Ночь Духов без живого огня,

но ей никто из слуг не принес березовых поленьев и веточек боярышника. Тогда, глядя, как колотит ее ужас, ужас человека, знающего точно, кто ходит по земле в Самайн, я перестала ее ненавидеть, ибо невозможно ненавидеть того, чья ничтожность вызывает лишь жалость.

Я впустила ее и поделила с ней свой хлеб. До рассвета звенело стекло в окне, за дверью текли вздохи и шепоты, но никто не вошел к нам.

С тех пор Элеанор стала тише и смотрела на меня со смесью благодарности и страха. В конце концов, она действительно была не так глупа, как хотела казаться.

Она быстро училась, эта селянская девочка, только недавно распробовавшая вкус жизни и ее редкие, избранные лакомства. Холодное дыхание Йоля еще не выморозило до белизны камни и кости, а она уже выучила несколько простых уроков: прячь под маской вежливой и терпеливой скуки свои чувства и не показывай, что сплетни слуг, их мысли и мнения тебя задела. Хотя бы не показывай, если совсем не придавать им значения ты еще не умеешь.

И тогда, возможно, алеть вокруг тонкой шеи будут бусины ожерелья, а не крови.

Не успела я закрепить в косах королевы последний гребень, как дверь распахнулась и с ликующим «Элеанор!» в комнату ворвался Гленн.

С младшим королевичем я не говорила с первой и единственной встречи в день моего приезда. Стоило ему прийти

к Элеанор, как она спешила выставить вон и меня, и слуг. Девицы перешептывались и хихикали, злословили, что голубкам опять не терпится наедине остаться, я же чуяла – за закрытыми дверями в полумраке покоев оживают чары лесов и холмов. Кольцо обжигало кожу холодом, и холодом касалось затылка чье-то тяжелое дыхание, и я спешила к себе, запереться, закрыться, спрятаться, хоть и знала: этих гостей никакие засовы не удержат.

Но я их пока не интересовала.

И сейчас Элеанор снисходительно махнула рукой, позволяя удалиться, но стоило мне шагнуть к дверям, как дорожку мне заступил Гленн. Я замерла, разглядывая королевича с удивлением и недоверием. Я помнила его чахнувшим и меланхоличным, погруженным в свои мысли столь глубоко, что мир для него становился не реальнее зыбкого предрассветного сна. Теперь же на щеках королевича цвел нездоровый румянец, а глаза блестели, отражая малую часть чувств, подобных зимнему сиянию небес. Гленн ожил, сбросил туманную оторопь и очнулся от наваждения, но его улыбка... его улыбка пугала. Неестественно широкая, подрагивающая, болезненная, словно его самого тяготили слишком яркие и сильные чувства.

Ярче и сильнее тех, которые может испытывать человек.

Он одержим ею, с безнадежной усталостью подумала я. Он жаждет ее, как жаждут новой порции дурманной травы те, кого она сломала и подчинила. Та же зависимость – бес-

конечная, отчаянная, с предсказуемым концом.

Мне стоило большого труда спрятать жалость на самой глубине глаз.

– Милая Джанет, прошу, оставайтесь! – Гленн смеялся. В холодном блеске зимнего солнца он почти светился; лучи пу-
тались в непослушных волосах, ореолом окружая его лицо. Он одарил меня лучезарной улыбкой и тут же забыл обо мне, обернувшись к Элеанор: – Возлюбленная, отец решил при-
гласить тебя сегодня в увлекательную поездку!

– Тебе стоит вернее выразаться, брат мой. – Резкий, властный голос раздался за спиной королевича, и в покои королевны шагнул Рэндалл, зловещий и сумрачный рядом с братом, словно властитель неблагих духов.

Он улыбнулся, и тепла в его улыбке было не больше, чем в блеске металла.

– Наши министры хотят показать отцу нечто весьма занятное: диковинку с континента, железную дорогу. Но ему недосуг, и он отправляет нас. Мы решили, что вам обоим будет интересно взглянуть на нее – после наших-то старых стен.

Элеанор замялась: она хотела отправиться в поездку, вырваться из покоев, в которых волей короля заперта до свадьбы, как пленница, но и сомнения ее не оставляли. Ей ли не помнить, как опасно для чар железо?

У ступеней дворца нас ждали два экипажа – мне предстояло ехать вдвоем с моей подопечной. Путь предстоял неблизкий, и я все гадала: что ж это за диковинка, как она выглядит? И вправду ли дорога, мощенная железом вместо камня? Но зачем? Разве что наши соседи на континенте научились так отваживать добрых соседей от своих владений.

Элеанор то радовалась поездке, как дитя, жадно следила за силуэтами домов и роц в предместьях, то принималась кутаться в меха и морщиться, когда экипаж начинало потряхивать на неровных каменных плитах.

– Они совсем не берегут моего ребенка, – жаловалась она. – Как Гленн это допустил?

Я отмалчивалась, поправляла ее накидку, вкладывала в ладони инкрустированную серебром флягу с травяным отваром, согревающим и унимающим слабость. Под глазами Элеанор легли густые тени, а губы побелели. Дышала она медленно и глубоко, словно сдерживая дурноту. И не было у меня уверенности, что дело только в ребенке, которого она носила под сердцем.

На самом деле ее берегли – наш экипаж ехал медленно и осторожно, сильно отстав от экипажа королевичей, хоть и не теряя его из виду. Воздух едва колебался; безжизненное безветрие накрыло пригород, словно чаша. Чем дальше мы уез-

жали от столицы, тем труднее становилось дышать: воздух сделался тяжелым и горьким, после него на языке оставался густой медный привкус, и я раз за разом сглатывала вязкую слюну, но не могла от него избавиться.

Но пугало не это. Я не понимала, куда нас везут. Зимнее солнце слепым глазом подглядывало сквозь рваный саван туч, и тень ложилась под колеса нашего экипажа, становясь все короче и короче. Дорога вела на запад. Разве есть к западу от столицы хоть что-то, кроме гор и болот?

Когда голые, едва прикрытые снегом поля сменились холмами, меня начало колотить – настолько сильным и тяжелым стал запах. Редкие, уродливые дома мелькали в стороне – низкие, длинные, с мелкими окнами под самой крышей. Я не хотела думать о том, кто согласится в них жить. Узкие трубы высились над ними, и черный дым валил в небо.

Вскоре дорога стала лучше, глаже, и вокруг вырос маленький городок: скучный и серый, полный таких же скучных и серых людей. Элеанор все больше и больше хмурилась и куталась в меха, резко и раздраженно выдыхала колючий пар.

На площади нас уже ждали: Гленн встревоженно всматривался в дорогу, и только когда Элеанор нетвердо ступила на камни, посветлел и улыбнулся. Рэндалл стоял рядом, внимательно выслушивая нескольких мужчин в строгих темных одеждах. Только приблизившись, я заметила слишком резкие и грубые черты лица, слишком светлые глаза – отличный признак выходцев с континента. Матушка расска-

зывала о них, о народе, у которых и неотесанные матросы, и благородные господа на одно лицо. Но что они делают здесь, не в столице и даже не в приморских торговых городах?

– А вот и наши прекрасные леди, – обернулся к нам Рэндалл, стоило только приблизиться. – Надеюсь, вас не слишком утомила поездка, прекрасная Джанет?

Я удивленно моргнула и отступила на полшага назад. Разве меня стоило спрашивать, моим самочувствием интересоваться? Или старший королевич снова затеял непонятную мне игру, в которой я непременно должна подыграть ему – и проиграть?

– Благодарю, Ваше высочество. Но о самочувствии стоило бы спрашивать леди Элеанор. Ей дорога далась тяжелее, чем мне.

– О, не сомневаюсь. – От улыбки королевича у меня грудь льдом сковало. – Ей все дается тяжелее, в том числе и обучение, как я вижу. Или, может, вы не справляетесь с ролью наставницы?

Он смотрел над моим плечом, и я спешно обернулась, чтобы увидеть, как посеревшая Элеанор виснет на руке обеспокоенного Гленна. Все ее сияние, весь цвет словно выпил кто-то, оставив изможденную оболочку.

Улыбка далась мне невероятно тяжело.

– Я расписалась бы в своей ничтожности, будь я вашей наставницей. Ваше высочество, разве вы не должны представить нам ваших собеседников?

В глазах Рэндалла загорелся веселый огонек – как у рыси во время охоты.

– Вы подловили меня, юная Джанет! – легко рассмеялся королевич и, дождавшись, когда Гленн с Элеанор приблизятся к нам, кивнул в сторону выходцев с континента. – Бесценные мои леди, позвольте представить вам наших гостей и консультантов из Сандерана. Лорд-инженер Вильгельм Андерсон, инженер Агли Магнуссон и их помощник Ингимар Гримссон.

Сандеранцы по очереди поклонились, и я вежливо кивала в ответ каждому, как и подобает благородной леди. Они были похожи, даже одеты одинаково, без знаков различия, – темные камзолы из плотной шерсти больше подходили бы воинам или рабочим, а не лордам. Но запомнить и различить их не составило труда: лорд Вильгельм был старшим из них, и светлые его волосы уже густо присыпала пеплом седина, а у помощника, самого младшего, оказался пристальный цепкий взгляд. Я поежилась и опустила глаза.

– Господа, позвольте представить вам леди Джанет Холланд, младшую леди королевской семьи. И Элеанор, невесту моего брата. Вы, должно быть, уже *наслышаны* о ее красоте.

От голоса Рэндалла озноб пробежал по спине, словно кто-то из добрых соседей в затылок подул. Мне потребовалось призвать всю свою выдержку, чтоб сдержать дрожь оторопи, и я только сильнее стиснула ладони. Ни от кого не укрылось, что королевич первой представил меня, а не Элеанор, под-

черкнув то, что она простолюдинка. Я взглянула на нее искоса из-под ресниц, но не смогла разобрать, из-за чего Эленор так бледна: от гнева или от слабости.

Я шагнула к ней и сжала тонкие ее пальцы, и она с благодарностью улыбнулась в ответ.

Про нас забыли: Рэндалл с напускным самодовольством вещал что-то о железной дороге от угольных шахт до столицы, лорд Вильгельм дополнял его рассказ не до конца ясными мне терминами.

– ...Испытания ветки от шахт до завода закончились успешно. Состав способен за один раз привезти столько же угля, сколько привозят лошади за десять раз. Если увеличить еще и производительность завода по очистке угля, то можно было б протянуть ветку и до серебряных рудников, а уже оттуда в столицу.

– Здесь хорошая земля, богатая довольно редкими и ценными минералами. Если б вы торговали ими, это могло бы озолотить Альбрию, – добавил Ингимар. – Но проложить дорогу к столице... будет проблематично. Холмы да болота.

– И в чем же затруднение? – удивился Гленн. – Дорога давно есть, мы по ней и приехали.

Рэндалл снисходительно улыбнулся:

– Она не подойдет для паровоза, мой милый брат. Вокруг холмов она петляет, а по краю болот идет по гати.

– Паровоз там не пройдет, – согласился лорд Вильгельм. – Для него нужна отдельная дорога, которая выдержала бы его

вес, тем более вес груженого состава. Чтобы протянуть ветку к столице, придется много работать с ландшафтом.

– С чем? – нахмурился Гленн.

– С землей, с холмами и болотами, – пояснил Ингимар. – Я уже осмотрел округу; думаю, дорогу можно будет проложить с минимальным изменением ландшафта. Но часть холмов все равно придется скрыть, а болото осушить.

– Нет! – Элеанор качнулась вперед, и я едва ее удержала, хоть и хотелось больше вторить ее восклицанию – разве можно даже помыслить о том, чтоб руку поднять на владения добрых соседей? Ничем хорошим это не кончится!

Лорд Вильгельм удивленно обернулся к ней, приподнял светлые брови:

– Простите? Есть какие-либо факторы, которые этому препятствуют? Насколько мы успели выяснить, ваши храмы и священные рощи находятся гораздо севернее. Могу уверить вас, леди, они не пострадают.

– Нет! – нахмурилась Элеанор, и даже румянец снова проступил на ее щеках. – Только безумец вторгнется к добрым соседям. Тем более с железом!

– Вы имеете в виду племена? – Лорд Вильгельм обернулся к Рэндаллу: – Я считал, ваш отец властвует над всеми землями Альбрии.

Королевич и бровью не повел, ответил лениво, смакуя каждое слово:

– Так и есть. Никто не смеет оспаривать власть моего ро-

да. Уверяю вас, можете забыть о словах прелестной Элеанор – ах, что поделать, красота ее многократно превосходит ее мудрость! Она говорит о старых деревенских суевериях, о духах и призраках. Вряд ли они как-то помогут или помешают строить железную дорогу.

Глаза Элеанор вспыхнули, она выпрямилась и гордо вскинула подбородок:

– Помешают, и ты прекрасно знаешь об этом, королевич Рэндалл! Сколько угодно ты волен закрывать глаза на правду, но она никуда не исчезнет.

– Ваши суеверия становятся утомительными, леди, – процедил королевич сквозь зубы. – Как и ваша глупость. Для королевы она непростительна.

Элеанор снова побледнела, словно силы разом оставили ее, а я шагнула вперед, смело встречая гневный взгляд королевича, обжигающий, как раскаленное железо. Слова звенели во рту, льдинками жалили язык, и большого труда стоило выстроить их в правильный ряд.

– Эти суеверия, мой королевич, так же стары, как и сама Альбрия. Вы можете не верить в них, но не уважать их... Не уважать веру многих поколений, веру самой земли – для будущего короля это непростительно.

Рэндалл нахмурился и сжал челюсти, тень легла на его лицо, и я застыла, скованная страхом перед ним, пока не заглянула ему в глаза. В них горел огонь, но не алое пламя гнева, как думала я, а яркий огонь смеха. Королевич был дово-

лен. «Молодец, девочка, – отражалось в его глазах, пусть он и хмурился, и цедил сквозь зубы ледяные слова, – ты хорошо выучила свою роль!»

Вот только в этот раз я не играла.

Лорд Вильгельм кашлянул и с наигранным удивлением достал маленькие круглые часы на цепочке. Звонко отщелкнулась крышка, украшенная замысловатым эмалевым узором, и лорд покачал головой:

– Надо же, совсем запамятовал! Уже скоро должен прибыть состав. Может быть, юным леди стоит взглянуть на это? Я верю, стоит им увидеть, как прибывает паровоз, с грохотом, свистом, в клубях дыма и пара, как они уверятся, что он – единственное, во что стоит безоглядно верить!

От слепого восторга в его голосе меня мороз пробрал по коже, словно я в могилу заглянула. Даже ребенок знает – все в мире в покое и равновесии, все связано воедино, жизнь проистекает из смерти, чтоб потом снова к ней вернуться. Нельзя верить во что-то одно: все наши боги многолики и равны, нет того, кто достойней прочих.

Что же он принес на нашу землю, восторженный глупец, отдавший сердце неведомому конструктору, делу рук своих?

Я уже хотела вежливо отказаться и увести Элеанор, но рядом радостно воскликнул Гленн:

– Вы описали настоящее чудо, лорд! Мы непременно должны это увидеть, все мы! Верно, Рэндалл?

Удивление сжало мое горло, и я не успела ему возразить,

напомнить о самочувствии его ненаглядной Элеанор, взмолиться об отдыхе. Я смотрела, как сияют его глаза, как яркий, живой огонь интереса горит в них, как не терпится королевичу с места сорваться, и поверить боялась в странную, смутную догадку, согревшую мою грудь надеждой, словно солнечным лучом.

Неужели здесь, где даже дышать горько, а пепел кружится в воздухе, серым пятная снег, неужели именно здесь, в самом уродливом месте из всех, что я видела, чары добрых соседей теряют силу?

Я коснулась кольца из холодного железа, и оно впервые нагрелось от тепла моей кожи.

Перед тем как смотреть на прибытие паровоза, нас напоили горячим терпким чаем. Лорд предложил и перекусить, по его указанию в здании ратуши нам накрыли стол, но мне кусок в горло не лез, а Элеанор даже от чая отказалась. Тогда я принесла ей флягу с водой, что мы взяли утром еще во дворце, и она схватила ее, словно та была самым драгоценным сокровищем во всем мире.

Жутко было видеть, как она жадно пьет простую воду и не может напиться, не может смыть привкус горечи и пепла с языка, не может избавиться от вездесущего запаха железа.

Это место убивало ее. Убивало чары в ней.

Гленн и не замечал ничего. Он шутил с Ингимаром, внимательно выслушивал рассказы Агли и отмахивался от рассуждений брата о том, какое богатство может принести Альбрии железная дорога. Юного Гленна, как и раньше, интересовали только веселые байки да развлечения. Кажется, больше него прибытие паровоза ждал только сам лорд Вильгельм.

Но на него я старалась не смотреть. Пламя в его глазах было самым жутким – оно могло спалить не только меня, но и весь мир.

В густых зимних сумерках, грязно-синих и пыльных, нас привели к каменной платформе, отполированной множеством ног. Рабочие посматривали на нас напряженно, коси-

лись на лорда Вильгельма, кивали Ингимару – его здесь уважали. Похоже, наше присутствие сбilo что-то в размеренной повседневной работе.

В громоздком высоком здании позади нас зажгли огонь, и желтые прямоугольники света легли на землю, стекли с платформы и выхватили из густых теней что-то черное и длинное. Змея, подумала я сначала, но потом поняла, что это блестит металл. Тонкая полоса металла, тянущаяся в непроглядную темноту.

– Не подходите к краю платформы, милая леди. – Ингимар удержал меня за локоть и заставил шагнуть назад. – Когда прибудет паровоз, это может быть опасно.

– Что там блестит? – спросила я, не в силах оторвать взгляд от металла. Сколько же его здесь? Кажется, я в жизни не видела столько железа. Да и была ли в Альбрии кузница, которая могла бы породить что-то такое же немислимое и бесполезное?

– Это рельсы, – охотно пояснил Ингимар; кажется, ему льстило мое удивление, смешанное с испугом. Ведь это так греет сердца мужчин, когда их знание или сила дает ощущение власти над женщиной, особенно если женщина знатнее их! – Их отливают из закаленного железа, по ним и движется паровоз.

– Он такой большой? На что он похож?

Ингимар пожал плечами и неуловимо улыбнулся:

– Терпение, милая леди, скоро вы увидите сами. Только

прошу: не кричите и не убегайте – вы можете угодить под колеса!

Столько нехорошего, мрачного предвкушения прозвучало в его словах, что я поспешила отойти в сторону. Он знал, что мы испугаемся, и ждал этого.

Первой приближение поезда ощутила Элеанор: она стиснула руку Гленна, выпрямилась натянутой тетивой, едва ли не звеня от напряжения. Я бросила рассеянный взгляд на блестящие рельсы, и мне почудилось, что свет на них дрожит, словно они проседают, впиваясь в поперечные доски под ними – и в саму землю.

«Словно оковы», – мелькнула неожиданная мысль и тут же исчезла. Темнота вокруг вздрогнула от приближающегося гула, он отдавался в костях и зубах, и хотелось зажать уши, зажмуриться и броситься прочь. Но вместо этого я шагнула ближе к краю платформы, остановилась в шаге от него и замерла, жадно вглядываясь в темноту.

Гул нарастал, все разговоры за спиной смолкли – все равно слов уже стало не разобрать. Странное волнение сжимало нутро: смесь страха, предвкушения и трепета, как перед явлением божества. Ледяной ветер ударил в лицо, и слезы вскипели в глазах, и за их пеленой мир размывался и дрожал, и яркая вспышка прорезала густую зимнюю темноту. Я смахнула выступившие слезы, и свет – белый, обжигающий – ударил в глаза, ослепил на миг, а за ним обрушился гул, и грохот, и низкий, пробирающий до нутра свист.

Огромное чудовище несло из темноты, и черный дым поднимался над ним, такой густой и непроглядный, что в сумерках казался дырой в небытие. Чьи-то руки вцепились в мои плечи, повлекли назад, но я осталась стоять недвижима, во все глаза глядя, как мчится ко мне сам свет, а тьма за ним становится гуще и плотнее. Тогда кто-то встал со мной рядом, сдавил пальцы в горячей ладони. Я не оглянулась.

От гула заложило уши. Я вскинула ладонь к лицу, прикрывая глаза. «Опусти взгляд, – шептал в уши страх, сливаясь воедино с грохотом, словно весь мир вокруг рушился, – опусти взгляд, склонись, не смотри, ты не в силах понять это величие, склонись же, склонись!»

Но я не склонилась.

Грохот стал тише, хоть чудовище было уже совсем близко. Оно замедлилось, а мимо платформы уже едва проползло, словно позволяя разглядеть себя, утрашая и восхищая. Огромное, все из темного железа, оно подавляло, утверждая свое величие и ничтожность хрупкого, мягкого человека.

Неудивительно, что лорд Вильгельм готов был рухнуть перед ним на колени.

Губы слиплись и покрылись сухой коркой, я с трудом смогла их разлепить.

– Это и есть паровоз? – сипло спросила я, оборачиваясь. Я думала, рядом стоит Ингимар, но нет, это был Рэндалл. Ветер разлохматил его волосы, а на лице застыло странное выражение, смесь ужаса и облегчения, словно он только про-

будился от кошмара, что холодом терзал его сердце.

Надо думать, на моем лице было написано то же самое.

Он сморгнул, приходя в себя, оглянулся на меня, все еще не до конца понимая, что происходит, все еще находясь во власти огромного железного чудовища. Маска спала с лица королевича, оставив его таким же растерянным и беззащитным, как и я сама. Должно быть, он увидел отражение своих чувств в моих глазах и тут же взял себя в руки, снова стал надменным и спокойным и отвел глаза, и словно в одно мгновение между нами встала стена морока и чар. Но перед тем как шагнуть прочь, он крепче сжал мою ладонь и нежно провел большим пальцем по тыльной стороне.

– Вы удивительно смелы, леди Джанет, – обронил он скудную похвалу, словно милостыню, прежде чем повернуться к лорду Вильгельму. Тот снисходительно улыбался, и только расширенные зрачки и легкая дрожь выдавали, как тяжело ему обуздать экстаз перед его железным богом.

Смотреть на него было неприятно, меня замутило. Как можно до полного самозабвения преклоняться перед тем, что породили руки человека, а не боги или природа? Я вновь отвернулась к паровозу, так и не решив, пугает он меня или завораживает. Железо дышало жаром, не спеша остывать на ночном морозце, белый пар моего дыхания касался шершавой и пористой поверхности и исчезал. Черный дым все еще курился над паровозом, а яркое пламя билось в стеклянном фонаре.

Точно ли человечесьи руки сотворили это чудовище? Или, может, его породило божество из огня и железа, такое же огромное и уродливое, что таится в темных глубинах континента, в тайных пещерах?

Я не знала ответа. И, пожалуй, не хотела знать.

Это Рэндалл обсуждал строительство железной дороги, считал затраты, прикидывал выгоду. Это Гленн восторженно смеялся, что дурные селяне будут разбежаться с воплями с пути паровоза, да и горожане по домам попрячутся, не правда ли, замечательная выйдет потеха, господа? Это сандеранцы сыпали терминами, похожими на заклятия, и спорили об условиях своего контракта.

Я чувствовала одно: здесь, рядом с железным монстром, мне не страшно. Впервые за долгое время я не ощущала ледяного дыхания добрых соседей у затылка, впервые их взгляды не сверлили мою спину, не следили за каждым шагом. Впервые за долгие месяцы было им не до смеха над глупой дочерью древнего рода.

Может, план сандеранцев и увенчается успехом. Может, их железное творение окажется сильнее добрых соседей.

Я не вслушивалась в чужие слова, в грубые крики рабочих, разгружавших вагоны. Мелкая угольная пыль носилась в воздухе, оседала на одежду и кожу, забивалась в глаза и горло. Элеанор начала подкашливать, и лорд Вильгельм поспешил увести всех с платформы. Он улыбался так широко, что меж губ поблескивали крупные зубы, а глаза горели, в

них полыхал такой же яростный пламень, как и внутри паровоза. Вот только черный дым лорд не выдыхал, черными были его мысли.

– Надеюсь, Ваше высочество, вы довольны тем, что увидели. – Лорд Вильгельм улыбался масляно, перебирая пальцами цепочку часов. Нас снова привели в ратушу, где уже накрыли к ужину. Никто не обмолвился о том, чтобы возвращаться в столицу сегодня – кто ж в преддверии Йоля решит пуститься в путь затемно? Зимние ночи опасны не только морозами.

– Более чем. Я расскажу отцу об успехах вашего проекта.

– Думаю, вам будет интересно, – вкрадчиво произнес Ингимар, не сводя с Рэндалла пристального взгляда... слишком пристального для простолюдина, – что железная дорога могла бы существенно упростить добычу некоторых ископаемых... интересных не только для мирного производства.

Рэндалл выслушал его, не спуская с Ингимара взгляда не менее внимательного, чем тот не отводил от королевича. На мгновение мне почудились скрежет металла и искры над столом. О, я прекрасно помнила, как взгляд старшего королевича мог пронзать, раня не тело, но разум.

– Я понимаю, к чему вы клоните, – готова поклясться богиней, от сахарной улыбки королевича зубы заныли не только у меня, – но я не могу обещать, что мой отец найдет ваше предложение столь же интересным и многообещающим, как и я.

– Вы говорите о невероятно скучных вещах, так что неудивительно, если отец и слушать о них не захочет, – со смешком заметил Гленн, пока служанка снова наполняла его бокал вином. – Лучше скажите, лорд, может ли ваш паровоз... предположим, издавать не этот ужасный грохот и свист, а музыку? И запускать в небо огонь, целый сноп огней! Просто представьте, каким бы необыкновенным было это зрелище! О, я верю, тогда любой бы полюбил вашу железную дорогу! И даже добрые соседи!

Во все глаза я смотрела на младшего королевича, с замиранием сердца запоминая его – настоящего, яркого, живого... избалованного, капризного, глупого. Влюбленный рыцарь, преклоняющийся перед своей невестой, оказался всего лишь маской, пусть и надетой на королевича чарами, помутившими его рассудок.

Жаль было и красивой, сказочной картинки, сошедшей со страниц легенд.

Жаль было и мальчика, так и не успевшего повзрослеть.

Рэндалл тоже постоянно косился на брата, и чем больше он смотрел, тем сильнее хмурился – но не встревоженно, как во время нашего знакомства, нет, а устало. Кажется, и он отвык от настоящего лица Гленна, заменив его в памяти идеальной картинкой. А младший королевич все пил и пил, не зная меры, и шутки его становились все более жестокими и грубыми. Я косилась на Элеанор, следила, как та становится бледнее, как тускнеют ее глаза и тени ложатся на лицо, и ко-

гда Гленн в очередной раз расхохотался над своей же вульгарной шуткой, я не вытерпела и, выпрямившись до боли, сказала холодно:

– Ваше высочество, разве достойно вас такое поведение? Не лучше ли удалиться спать, пока вы не расстроили свою невесту?

Легкая тень скользнула по его лицу, на миг глаза его снова заволокло сладким дурманом чар, но воздух здесь был слишком горек, слишком сильно пах огнем и железом, чтоб чары добрых соседей имели силу. Гленн отмахнулся от меня с улыбкой равнодушной и веселой:

– Это моей невесте следует удалиться спать, если она не хочет расстраиваться.

Элеанор поднялась – так резко, что стул ее покачнулся и рухнул с грохотом. Землистое, осунувшееся лицо ее на миг обрело краски, словно чистая сила лесов и туманов ворвалась в нее, наполняя до краев. Дивной магией сверкнули ясные глаза.

– Гленн! – гневно воскликнула Элеанор, вцепившись побелевшими пальцами в край стола, и королевич тут же вздрогнул, меняясь, исчезая за пеленой чар.

На лице его не осталось эмоций, кроме покоя и восхищения.

А Элеанор покачнулась и упала в обморок.

В столицу мы вернулись ближе к обеду: стоило только слегка посветлеть горизонту, как Рэндалл настоял на том, чтоб выехать без промедления. Нас провожал Ингимар, и я так и не смогла понять, отчего его потряхивает: от звенящего утреннего мороза или от опасения, что все их дело сорвется из-за нездоровья Элеанор? Ведь известно всем, король добр к своей будущей невестке, и если он решит, что ей стало дурно из-за недостаточно хорошего обращения сандеранцев, никакая выгода не спасет дело лорда Вильгельма и подручных.

Я всю ночь не сомкнула глаз, сидела у постели Элеанор, протирала ее лицо влажными полотенцами, поила ее самой чистой водой, которую только смогли найти в этом городе, насквозь пропахшем огнем и металлом. Я даже сняла кольцо из холодного железа, чтоб и случайно не коснуться им сухой и воспаленной кожи Элеанор.

Мне было жаль ее.

И я сама не могла поверить в свои чувства, но, увидев истинное, болезненное лицо Элеанор, я больше не могла ее презирать. Жалость и снисхождение были сильнее.

Всю ночь я напевала самые старые песни, которые только могла припомнить, чтоб хоть капелька древних чар просочилась к Элеанор, поддержала в ней жизнь, сохранила ее

ребенка. Веточка вереска или ольхи подошла бы лучше, но где ж их взять посреди зимы?

Она пришла в себя только в дороге, когда в воздухе исчезла горечь угля и железа, а страх снова сжал мое сердце ледяными пальцами добрых соседей. Солнце вставало прямо перед нами, и колючие звезды померкли, только серп луны еще висел над головой полупрозрачной льдинкой.

Первым делом она спросила про Гленна. Я не хотела расстраивать ее и потому сказала, что не видела его утром. Не стоит ей знать, что ходил ее нареченный, как во сне, с глазами мутными то ли от выпитого вина, то ли от туманных чар, и Рэндалл проявил больше заботы о ее здоровье, чем ее жених. Старшего королевича я видела только мельком, но мне почудилось, что ему совестно за то, что привез он Элеанор к железной дороге.

– Право слово, королевна, – тихо говорила ей я, – вам не стоило тратить столько сил, чтоб образумить жениха.

– О нет! – с жуткой страстью в голосе отвечала она, и посеребрившие, потрескавшиеся губы ее кривились в горькой улыбке. – Это и жизни моей бы стоило!

Мы смотрели друг на друга и понимали, что обе ясно ведаем, о чем идет речь. Ибо я снова надела кольцо из холодного железа, и чем ближе мы подъезжали к столице, тем сильнее оно обжигало холодом, и теперь даже Элеанор его ощущала.

В замке уже знали: посыльный Рэндалла прибыл раньше

нас, и потому сэр Гилмор успел созвать медиков. Спальню Элеанор жарко натопили, около ее кровати поставили пахучие масла с ароматом сильным и свежим. Даже у меня от них едва не закружилась голова. И лишь после того как Элеанор успокоили, что Гленн еще не прибыл, что королевичи вернутся позже, к вечеру, она позволила себя осмотреть. Но все равно вскакивала и порывалась искать жениха.

Я стискивала ее горячие пальцы и убеждала, что он сразу же придет к ней, как только вернется, а как же иначе? Она улыбалась, но по суетливому, тревожному взгляду ее я понимала – она мне не верит. Не верит, что смогла накануне вновь наложить чары.

Элеанор не отпустила меня, когда медики осматривали ее, ощупывали живот, слушали дыхание сквозь тонкую, полупрозрачную сорочку. Багряный румянец стыда маками цвел на ее щеках, но с каждым часом сказочная ее красота к ней возвращалась, окутывая ее хрупкое тело плотной вуалью чар.

– Который час, милая Джанет? – спрашивала она то и дело, хоть и сама видела – ленивое зимнее солнце еще не торопилось окрасить небеса закатным пурпуром.

– Три пополудни, – отвечала я терпеливо. И: – Колокол на Часовой башне пробил пять раз. – И: – Близится к шести, и скоро уже сядет солнце.

Чем ближе подступал ночной час с острой улыбкой месяца и колючими глазами звезд, тем сильнее нервничала Элеа-

нор, кусала до крови губы, терзала пальцами кружевной платок, пока вовсе не разорвала его на клочки.

Наконец в коридоре послышались мягкие, почти кошачьи шаги, и Гленн распахнул дверь, замер на пороге, словно с трудом понимая, где он. Элеанор вскинулась, отмахнулась от медика, считавшего ее пульс, и жадно, тревожно взгляделась в лицо королевича.

– Вон, – низким, не своим голосом прорычала она, сверкнув на медика злыми глазами, – все вон!

Никто ведь не должен видеть, как очаровывают королевича.

Я уходила последней и, прежде чем закрыть за собой дверь, успела заглянуть в лицо Гленну, пытаюсь разглядеть за фальшивым, навеянным чарами счастьем его настоящего. И не смогла – только мерцающая поволока осталась в его глазах, и пустота за ней.

Может, оно и к лучшему.

Не уверена, что я готова была снова столкнуться с прежним Гленном.

Кажется, все хорошее, что в нем было, зародила чарами добрых соседей Элеанор.

Рэндалл ждал меня у окна в галерее, ведущей к центральным залам. Стоял, прислонившись к стене, постукивал задумчиво ногтем по стеклу, и оно отвечало ледяным звоном, словно докладывало, что видят в замке его братья и сестры. Я знала, мимо мне не пройти, ведь не случайно опустела все-

гда людная галерея.

Я приблизилась, смиренно склонив голову, до последнего момента в сердце лелея надежду, что поджидает королевич не меня. Но едва моя тень коснулась его сапог, и Рэндалл обернулся, надел привычную маску с ленивой, хищной усмешкой на тонких губах.

– Поведайте мне, юная Джанет, как вам поездка? Мне показалось, паровоз вас впечатлил.

– Не более чем вас, Ваше высочество. – Я присела в реверансе, не желая смотреть ему в лицо.

– Весьма перспективное начинание, должен сказать. Дорога, позволяющая быстро перемещаться из одного края страны в другой... Звучит почти сказочно, не находите? Это свяжет разрозненные провинции воедино и принесет свежее дыхание прогресса даже в самые темные и дремучие уголки. Такие, как владения вашей матери, например.

Я стиснула зубы и промолчала. Как можно назвать горький воздух и его масляный привкус – «свежим»? Уж не очарован ли сам наследник железным чудищем, как его брат – чарами?

– Но больше всего меня волнует одно наблюдение, – отвернувшись к окну, продолжил Рэндалл гораздо тише. Белемый, призрачный свет луны пятнами лег на стекло, отразился в его глазах. – Гораздо менее значительное, должен сказать, которое, конечно же, никак не сравнится с паровозом, но которое заметили и вы.

– Ваш брат, – едва слышно произнесла я, жалея, что губы не онемели от холода.

– Мой брат, – благодушно согласился Рэндалл, оборачиваясь, и его голос дрогнул от едва сдерживаемого гнева. – Можете ли вы объяснить мне, милая Джанет, что случилось вчера в ратуше? Как мой влюбленный до одури брат позволил себе оскорбить пренебрежением прелестную Элеанор, словно не он сам накануне слагал гимны в ее честь? Словно она не возлюбленная его, а невеста, навязанная отцом против воли?

Потому что она и навязана ему против воли. Только не отцом, а добрыми соседями, что заботливо вложили клубок чар в хрупкие пальцы Элеанор.

Но королевичу, конечно же, я сказала другое.

– Какой ответ вы хотите услышать от меня, Ваше высочество? – Я заставила себя поднять голову, встретить темный взгляд Рэндалла и безмятежно улыбнуться. – Боюсь, то, что я могу рассказать, вам опять не понравится.

– Тогда не утруждайтесь, я и сам угадаю: фейри, колдовство и отвар чемерицы?

Ледяной сквозняк коснулся моих волос, едва Рэндалл произнес имя добрых соседей, и я против воли вцепилась в кольцо, только в нем ища защиты.

– Вам не стоит называть их. – Как бы я ни старалась, но упрек все равно прозвучал в моем голосе, щедро сдобренный страхом. – И не стоит так неуважительно говорить о них,

добрые соседи злопамятны.

Рэндалл усмехнулся, не сводя с меня испытующего взгляда, слишком пристального и жгучего, словно страх мой доставлял ему удовольствие:

– И все равно добрые? – Он коснулся моего подбородка, обхватил его пальцами, не позволяя мне снова опустить голову. Кожа его была теплой, как и должна быть правильная человечесья кожа. Я и забыла, каким бывает в мире *правильное*. И мне не хотелось, чтобы он убирал ладонь. – Тогда скажите мне вот что, милая Джанет: из-за чего чары – не важно, колдовство или обаяние самой Элеанор, – на время утратили власть над разумом моего брата?

Что мне стоило промолчать тогда или солгать, легко отпустив с языка всего два слова – «не знаю»? Богиня не покарала бы меня, и я не утратила бы голос – в конце концов, я не давала клятвы королевичу Рэндаллу говорить одну лишь правду. Но я ответила как есть, замороженная его взглядом, слабая и потерянная, желающая лишь одного: чтобы он продолжал касаться меня и смотреть так, словно среди угрюмых стен замка я немного большее, чем безвольная тень.

О, если бы я знала, к чему приведет моя откровенность, я вырвала бы себе язык! Но тогда я еще не ведала, что есть чары, против которых бессильно даже мое кольцо из холодного металла.

– Все дело в железе, – хрипло, едва совладав с голосом, быстро сказала я. – В его близости и количестве. Там его

столько, что дышать тошно, Ваше высочество, вы заметили? Вы заметили, как посерела сама Элеанор, как увяла ее красота, как она стала *обычной*? Вы презираете провинции, но там любой сказал бы вам: железо губительно для добрых соседей. Железо развеивает их чары. Хочешь защититься от них – положи гвоздь в карман, если уж рябину на шею надеть не можешь.

Я перевела дыхание и добавила еще тише:

– Слишком много железа там было, и чары исчезли. Какое-то время Гленн чувствовал и думал сам, а не как ему приказала Элеанор. Но стоило ей это заметить, и она поспешила исправить это, пусть и ценой своего здоровья.

– Вот, значит, как, – задумчивый взгляд Рэндалла соскользнул с моего лица на окно. Пока мы беседовали, небеса уже почернели, и даже месяца было не видать за набежавшими тучами. – Что ж, если сделать вид, что я вам поверил – только сделать вид! – то у меня появилась еще одна причина уговорить отца на строительство железных дорог по всей стране. Что ж вы не радуетесь этому?

Он отнял ладонь от моего лица, и мне потребовалась вся сила воли, чтоб застыть и не потянуться за его пальцами, словно кошка, оголодавшая по тихой ласке.

– Выбор между вечной горечью и тошнотой и вечным подспудным страхом. Я предпочту не выбирать.

– Не выбирайте, – милостиво согласился Рэндалл. – Ведь я все равно вам не поверил.

Он коротко кивнул мне на прощание и удалился, так и не стерев с лица насмешливую, злую маску. Я не шелохнулась, пока толстые стены замка не поглотили эхо его шагов. Сердце колотилось болезненно и быстро, а щеки горели, как от пощечин, и сколько бы я ни прижималась к ледяному стеклу – легче не становилось.

Я видела по его глазам – старший королевич мне поверил. К добру ли?

– Тебе следует держать Гленна подальше от железных дорог и заморских гостей, – сказала я Элеанор, когда помогала ей подготовиться ко сну. Сорочка из тончайшего, словно жидкого шелка легко скользила по ее телу, складками собиралась у колен, и уже не могла скрыть очертания чрева.

– И не только от дорог, – губы ее едва дрогнули в улыбке, а меж бровей легла морщинка. – От рябины и вербены, благословенной соли и молока. О, он покорен мне и по просьбе моей даже не смотрит в их сторону. Но скоро это не будет иметь значения, моя Джанет.

Она села перед зеркалом, и я распустила ее косы, вытащила шпильки и жемчужные нитки, что густо перевивали ее пряди. В отражении зеркала она поймала мой взгляд и улыбнулась:

– Скоро будет свадьба – он обещал.

Глаза ее снова сияли подобно звездам сквозь молочную дымку облаков.

– Разве не королю это решать?

– Гленн его убедит, – Элеанор улыбалась благостно и спокойно, она больше ни в чем не сомневалась.

Я провела резным костяным гребнем по ее прядям, раз, другой, и все же осмелилась спросить, не понижая голос:

– И тогда твоя сделка будет исполнена?

Она напряглась под моими руками, застыла, окаменев, и зеркало продолжало отражать ее спокойную, нежную улыбку, и только глаза потемнели, то ли от страха, то ли от гнева. Дрогнули огоньки свечей, затрепетали лепестками на ветру, словно ледяное дыхание зимы пронеслось по спальне. Зеркало отразило за моей спиной тени, мягкие и густые, словно туман, и мелкие, колючие огоньки хищными глазами поблескивали из них. Я поспешно опустила взгляд.

Другого ответа мне и не требовалось.

Гребень скользил и скользил по волосам Элеанор, и когда мне почудилось, что тишина за моим плечом шепчет тысячей далеких голосов, я заговорила:

– Позволь, я расскажу тебе сказку, юная королева. Не так уж и давно, в землях к северу отсюда, в краю темных заповедных лесов, жил юноша, сын кузнеца, назовем его Финон. Был он статен и хорош собою, умен и хитер, что твой лис, и друзья у него были такие же смелые и лихие. Но ты знаешь законы наших земель – самими богами заведено, что один человек не равен другому, и лишь особенный, отмеченный богами способен изменить от рождения предначертанный удел.

Элеанор вскинулась и прищурилась зло:

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Чтобы скрасить тебе зимний вечер, моя королева. В моих краях всегда рассказывают сказки от Самайна до Йоля, чтобы легче перенести самое темное время.

Я отложила гребень и принялась заплетать ей косу. Мягкие пряди скользили меж пальцев, как шелк, и едва ли не светились в полумраке. Шепот за спиной стих, словно и он прислушался к моей истории – такой старой, что даже нянька моя не помнила, где был ее исток.

– Фионн не печалился о своей судьбе, ведь были у него надежные друзья и любимое дело. И невеста, Этлин, красотою сравнимая с первоцветами. Но так случилось однажды, что в стылые осенние ночи, когда рваные тучи несутся по небу быстрее Дикой Охоты, в ее груди поселилась болезнь и начала глотать изнутри. Когда Этлин начала кашлять кровью, Фионн отправился в город за целителем или жрецом. Но слуги богов оказались бессильны перед хворью, а из целителей никто не пожелал ехать в дальнюю деревню. И Фионн не мог ни приказать им, ни заплатить достаточно, чтоб они передумали.

Одна из свечей догорела и погасла, и темнота тут же подступила ближе, легла на плечи, зашептала на ухо. Я заменила свечу и высекла огонь, но лепесток пламени плясал неровно, не желая разгораться, словно недобрый дух все время его задувал. Длинные тени вились по стенам, грозя захлестнуть удавкой и задушить во сне. Последние дни до Июля – время тьмы и больших огней, у нас никогда в такие ночи не гасили очаг, и слуги по очереди всю ночь караулили огонь. Здесь же об этом обычае забыли, и все, что я могла, – зажигать как можно больше свечей и дремать урывками до рассвета.

– Когда боги бессильны, – продолжила я, и Элеанор уже слушала с интересом, не сводя внимательного взгляда с моего отражения, – помощи и у добрых соседей попросишь. И Фионн заключил с ними сделку. Сын кузнеца знал, где обитает дивный народ, знал и что им пообещать. Знал, что добрые соседи не могут вымолвить лжи, но любят обманывать. Он был хитрым малым и верил, что уж его-то вокруг пальца не обведут.

– И его, конечно же, обманули?

Тонкие руки Элеанор то и дело мелко подрагивали, словно ее колотил озноб. Я укутала ее мягким покрывалом и продолжила сказку:

– Фионн пришел к одному из рыцарей Ольхового короля и предложил ему услугу взамен за спасение Этлин. Небольшую услугу, которая не принесет вреда ни самому Фионну, ни его возлюбленной, и рыцарь согласился. Но был на нем гейс, запрещающий показываться в селения смертных, и гейс, запрещающий брать чужую личину без разрешения. И рыцарь предложил Фионну: дай мне свое лицо, и я пойду в твою деревню и исцелю твою невесту, а ты останешься вместо меня при дворе Ольхового короля.

– И он согласился? – надменно оглянулась Элеанор. Она знала такие сказки, знала, как легко могут обмануть добрые соседи. – И вернулся домой только через триста лет?

– О нет, королевна, Фионн был не глупее тебя и взял с рыцаря клятву, что в мире людей и при дворе Ольхового короля

пройдет одинаковое количество времени. Но дивные пиры и чудесные балы не смогли увлечь Фионна, ведь все его мысли были о невесте. Напрасно прекрасные девы добрых соседей услаждали его слух песнями – он остался глух к ним. Любовь к туманным лесам не проросла в его сердце ядовитым цветком. Он считал дни до возвращения рыцаря, и когда тот снова явился во владения Ольхового короля, Фионн с облегчением и радостью бросился домой. Любовь к Этлин вела его, подобно лучу самой яркой звезды в самую темную ночь.

– Прекрати! – внезапно выдохнула Элеанор, до побелевших костяшек вцепившись в подлокотники. Кровь отхлынула от ее лица. – Я знаю, такие сказки не заканчиваются хорошо!

Я смотрела на нее и молчала, хоть губы и жгли ледяные и соленые слова: если ты знала, зачем ввязалась в такую же? На что ты надеешься? Но темнота за спиной шептала все быстрее и отчетливее, и я поспешила заглушить ее голос:

– Но такие сказки надо слушать до конца, чтоб они и оставались всего лишь сказками. Рыцарь сдержал свое слово – он исцелил Этлин, и злая осенняя лихорадка покинула ее грудь. Но сделал он не только это. До своей деревни Фионн добрался в глубокой ночи, в темный тихий час, когда даже ветер умолкает, лишенный сил. Но его друзья и соседи не спали, да и никто в деревне не спал – с факелами и железом они окружили кузню, требуя от кузнеца выдать преступника-сына. «Он проклял наших детей», – кричали одни. «Он убил

наших братьев», – кричали другие. И когда кто-то в толпе заметил Фионна, он даже не пытался сбежать или оправдаться, он все еще не понимал, что произошло. Клялся, что его не было в деревне, призывая в свидетели и Хозяйку Котла, и Рогатого Охотника, но кто его слушал? Люди видели своими глазами, как вершились преступления, и не желали верить, что все это творил дивный рыцарь в чужой личине. Ведь как рассудить: позволил ему надеть свое лицо, значит, ответственность за все его дела взял на себя.

Внезапный сквозняк стегнул по ногам и задул свечи, все до единой. Звуки в темноте стали громче и ярче, словно слух мой обострился подобно звериному. Коротко, рвано дышала Элеанор, шуршала ткань, и где-то далеко звенела серебряная мелодия, как тысяча ледяных колокольчиков.

Свет месяца, призрачный и зыбкий, становился все слабее и слабее, и я едва подавила крик: ледяной узор, потрескивая, расплзался по стеклу, складываясь то в завитки папоротника, то в ухмыляющиеся лица, то в изломанные стрелы. Я бросилась зажигать свечи, но пальцы дрожали, и я долго не могла высечь искру, думала уж закричать и позвать прислугу, но как бы они смотрели на меня? Решили бы, что боги отняли мой разум?

Когда стекло полностью заволокло ледяным узором, едва успела разгореться одна свеча, но даже ее огонек, слабый и трепетный, прогнал страх. Я дышала медленно, на лбу высыхала ледяная испарина. Я не знала, что случилось бы, ес-

ли бы наступила полная темнота, может быть, и ничего, – на мне ведь кольцо из холодного железа, а Элеанор сама полна туманных чар, но добрым соседям и не нужно заколдовывать тебя, чтоб свести с ума.

Им хватит мороков.

Я же говорила, они любят обманывать.

Только когда снова разгорелись свечи, расцветившая ночь темным золотом, я смогла закончить сказку:

– Но ненависть бывших друзей и соседей не пугала Фионна. Он был смел, и ловок, и силен. Он мог еще вырваться и сбежать, если бы Этлин согласилась пойти с ним. Но стоило ему встретить ее взгляд, полный холода и презрения, как бездонное горе сковало его вернее самых надежных цепей. Он так и не узнал, чем рыцарь обидел Этлин, но сделал он нечто, что она не смогла и не захотела простить Фионну. Все, что любил он, все, чем дорожил, рыцарь разрушил всего за несколько дней, словно напоминая, как хрупка и мимолетная жизнь человека. Он пришел к Фионну перед самой казнью требовать услугу...

– О, тут он свое упустил. Что взять с осужденного?

– Рыцарь потребовал совершенно незначительную услугу – разрешение Фионна спасти его от смерти. И он согласился, а что еще ему оставалось? Он уже ни на что не надеялся, узнав на своей шкуре, каковы услуги добрых соседей. Рыцарь обратил его в снегиря, с грудкой столь красной, что даже кровь блекла рядом с нею, и забрал во владения Оль-

хового короля. И до смерти Фионн не покидал границ дивного леса, услаждая добрых соседей своим пением, не зная чувств иных, кроме ненависти и сожаления.

Последние слова растворились в неуютном молчании. Я не ждала ни слова от Элеанор: что она могла сказать? Я всего лишь хотела предупредить ее, напомнить, как опасна игра с добрыми соседями, в которую она ввязалась, но разве это могло что-либо изменить?

– Какая очаровательная и поучительная сказка, – наконец через силу улыбнулась Элеанор, – но я знаю другую, во сто крат лучше. Слушай же.

Она обернулась и взглянула мне в лицо, а не в смутное отражение, поймала мой взгляд, и я не смогла отвести его, падая в черный омут и лишаясь воли. И звуки, и цвета, и очертания предметов смазались и отступили в сторону, и только Элеанор оставалась яркой, живой и незыблемой в сером и тихом мире.

Уж не это ли каждый раз чувствует Гленн?

– Был у одного лорда младший сын, у которого ничего не было за душой – ни богатств, ни отцовской любви, ни доброй службы, только благородное имя. – Она рассказывала быстро и жестко, и глубокая, затаенная боль звенела в ее словах. – Но и от имени он отрекся, когда сбежал с миленькой служаночкой, которая вскоре родила ему дочь. Они жили впроголодь, служанка бралась за самую тяжелую работу, ведь сын лорда не умел ничего, кроме как красиво улыбаться и шеп-

тать ласковые слова. Она быстро подурнела, и любовь сына лорда угасла, как свеча на ветру. Он с повинной вернулся к отцу, и тот женил его на жестокой, но богатой негоциантке. О собственной дочери он забыл.

Элеанор стиснула пальцами подол сорочки, и по блестящему шелку растеклись черные пятна, словно гниль на белоснежной мякоти яблока.

– Служаночка, уже далеко не миленькая, узнав о том, бросила дочь на пороге его нового дома, с его перстнем – доказательством происхождения дочери. Но она пеклась вовсе не о благополучии девочки – только о том, как проще устроиться самой. Мне хочется верить, что, зная она будущее, она никогда не рассталась бы с дочерью, но чего стоит материнская любовь, когда речь идет о деньгах? Сыну лорда пришлось забрать девочку, чтобы весть о его позоре не дошла до отца. Негициантка даже позволила ей жить в своем доме – на кухне, среди прочих слуг. «Дочь служанки и будет служанкой» – так сказала она. Но, конечно, все знали, кто ее отец, и смеялись над нею: как дочери негициантки, такие же безродные девки, если задуматься, так и повара, которые спали в золе вместе с нею. За грехи матери, посмевавшейся замахнуться на то, что ей не принадлежит, расплачивалась девочка.

Элеанор задыхалась, но продолжала говорить, выхаркивая слова, как сгустки черной, отравленной крови, и с каждым словом она бледнела и бледнела, словно только эта боль сохраняла в ней жизнь, только ненависть давала ей стержень

и форму, и стоит ей выговорить это все, и с последним словом жизнь покинет опустевшее, обессиленное тело.

Я хотела вскочить и зажать ей рот. Я хотела вскочить и обнять ее. Я хотела хотя бы крикнуть – но не могла. Она сказала: «Слушай», – и чары сковали меня, и даже кольцо мое не смогло меня защитить.

– Так продолжалось много лет, и сын лорда не смел возразить своей жене и вступить за дочь, да и не хотел, честно говоря. Девочка же росла, лелея в груди обиду, ничего не желая сильнее, чем расквитаться с ненавистным семейством. Пусть у нее отобрали кольцо отца, но память о том, что она от благородной крови, отобрать не смогли. Она не склоняла головы перед мачехой, не лебезила перед ее дочерьми. Себе на горе, она выросла весьма милостивой, куда красивее матери и – что хуже всего – куда красивее дочерей негоциантки. И если на гордость ее смотрели сквозь пальцы, но этого уже простить не смогли.

Элеанор, словно против воли, схватилась за лицо, и на миг мне почудилось, как из-под ее пальцев разбегаются уродливые ожоги и рубцы.

– Ей, верно, недолго жить оставалось, но, на счастье, через их город в канун Бельтайна проезжал королевич со свитой, и девчонка решила – вот ее шанс. Она ушла в холмы, и танцевала там, и поила менгиры своей кровью, и сыпала глупыми, громкими обещаниями, которые никогда бы не смогла сдержать. И ее слышали. И в ночь Бельтайна, у больших

костров, она плясала с королевичем до рассвета, а после он не мог уже прожить без нее и дня. Когда завершились праздники, он забрал ее в королевский дворец, а негоциантка и ее дочери... что ж, я надеюсь, они захлебнулись ядом зависти.

Она перевела дыхание, и странные чары, сковавшие меня, рассеялись. Сорочка Элеанор снова была белой, а румянец на ее щеках – нежным и ярким.

– Она была милосердна, раз не отомстила за все обиды.

– На что ей чужая боль или – упаси боги – смерть? Они бы так и погибли, уверенные в своей правоте. А сейчас только и могут, что скрежетать зубами, глядя на ту высоту, куда она вознеслась. Теперь они знают свое место. Пусть они верят, что девочка жаждет их смерти, и ждут ее и боятся. А это гораздо, гораздо приятнее, чем если бы их сразу казнили. И к слову, – в глазах Элеанор мелькнул темный болотный огонек, – удовольствие от смерти будет слишком коротким, даже распробовать не успеешь, а удовольствие от их зависти и страха длится, и длится, и длится...

– Оно стоило того? Что попросили добрые соседи в оплату?

Элеанор отвела глаза:

– Цену они не назвали. – Голос ее сделался тих и слаб, словно все сомнения, что долго она гнала прочь, наконец настигли ее псами Дикой Охоты и впились в горло. – Сказали: узнаю о том, когда придет время. До сих пор оно не пришло... да и слово их пока не сдержано. Но после свадьбы...

– Свадьбы?

Она кивнула:

– Они обещали, что королевич возьмет меня в жены, ни от кого не тая, и не покинет меня до моего последнего дня. А значит, только после свадьбы они будут вправе потребовать свою цену.

Она боялась. Туманные чары пьянили ее не меньше Глена, и она упивалась ими, утешала себя чужой завистью, наслаждалась крохами своей власти – всё, лишь бы хоть на мгновение отогнать темные и жуткие тени за спиной, откинуть прочь ледяные ладони страха, колючие объятия сомнений.

Элеанор подняла глаза – потемневшие, усталые, беспомощные – и прошептала едва слышно, даже пламя свечей рядом не поколебалось:

– Видишь, моя милая Джанет, иногда на заклятие к добрым соседям идут добровольно, ведь они указывают другую дорогу там, где ты видела лишь одну – к смерти. Если хочешь знать – я ни о чем не жалею.

Я обняла ее.

Ибо больше ничего не могла сделать.

Элеанор была права – свадьбу решили больше не откладывать.

На следующее утро – стылое, темное – король пригласил ее выпить с ним чай в оранжерее. Более никому не было позволено присоединиться к ним – ни мне, ни Гленну, ни Рэндаллу. Его величество решил, что пришел час оценить, как мое общество преобразило Элеанор – и преобразило ли. Это было испытание, и я не знаю, кто из нас боялся сильнее.

Вердикт короля мы ждали в малой гостиной, оформленной в синих с прозеленью тонах. По распоряжению Рэндалла нам накрыли здесь завтрак, но мне кусок в горло не лез. У еды не было вкуса, а напитки, наоборот, все до единого отдавали гнилостной сладостью красных яблок. Рэндалл пытался завязать беседу, плести замысловатый узор намеков и умолчаний, но рисунок распадался, слова повисали в тишине, и оборванные нити разговора оплетали пальцы до онемения.

Только Гленн ни в чем не сомневался, ничего не замечал. Мечтательная улыбка не сходила с его губ, а взор освещала тихая радость. Чары, что наполняли его, нашептывали картины сладостные и яркие, и младший королевич и помыслить не мог о том, что его разлучат с Элеанор.

Да и сможет ли он пережить разлуку с нею?

О, тогда я еще не знала ответа, но догадка была столь хо-

лодна и черна, что я поспешно отогнала эти мысли.

Еда остыла, а напитки подернулись тонкой пленкой, когда наконец в коридоре раздались шаги – неторопливые, спокойные, величественные. Король вошел в гостиную, ведя под руку Элеанор, и она была бледна, только на тонких губах цвела самодовольная улыбка.

– Дети мои, – голос короля мурашками прокатился по коже, срывая пелену смутной тоски и тревоги, – как радуется мое сердце, когда я вижу, как вместе трапезничаете вы в мире. Я преисполнен надеждой, что и в грядущем сохранится эта безмятежность, когда и нежная Элеанор в полном праве присоединится к вам.

Глаза ее сверкнули торжеством, и краем тень не коснулась ее лица. Все же она оказалась хорошей ученицей, и урок о необходимости жертв выучила легко и быстро. Да и как иначе, если до меня преподали его ей добрые соседи?

Элеанор склонила голову и смиренно попросила дозволения удалиться, тревожась о ребенке, и король отпустил ее с теплой улыбкой. Это тоже был один из усвоенных ею уроков: просить так, чтоб веса и власти в просьбе было больше, чем в приказе. Я гордилась ею и боялась ее, ибо дала ей оружие, которое могло стать воистину смертоносным, заточенное и усиленное чарами добрых соседей.

Гленн ушел вместе с ней, и то, как она цеплялась за его рукав, как ловила его взгляд, могло кого угодно убедить в ее любви к королевичу. Но я видела, как туже и туже затягива-

ется удавка на его шее.

– Ты отлично справилась, Джанет. – Улыбка короля согрела меня до глубины души. – Признаться, я и сам не верил, что Элеанор станет подобна благородной леди.

– Что будет со мной дальше? – слова вырвались против воли. Я и думать забыла о своей судьбе, о своем проклятии, но страх вернуться домой, в цепкие когти обиженных добрых соседей, ядовитым плодом зрел в глубине души, незаметно, капля за каплей отравляя меня, чтобы сейчас, когда других тревог не осталось, захлестнуть с головой. – Вы отправите меня к матери?

Король шагнул ближе, заглубившей ладонью провел по щеке, заставляя меня поднять лицо и взглянуть ему в глаза.

– Я признал тебя младшей родственницей, юная Джанет. Как я могу после этого закрыть перед тобой двери своего дома? Ты покинешь нас, только если сама того захочешь.

Я прижалась губами к его ладони, ибо не было слов, что могли выразить мою благодарность.

– Что ж, – Рэндалл, хмурясь, отставил чашку в сторону и поднялся из-за стола, – стоит поспешить со свадьбой, темные ночи уже дышат холодом в наши окна. Не хотелось бы, чтобы ритуал пришелся на Йоль.

– С каких пор, сын мой, ты стал столь внимателен к приметам?

Рэндалл одарил меня долгим и внимательным взглядом, прежде чем ответить королю:

– Милая Джанет смогла показать мне, как важно уважать то, что ценит и любит мой брат, даже если я и считаю это вздорной глупостью.

«Она заставила меня поверить в то, во что верить я не хотел», – вот что сказал он, и если бы я знала, сколько бед это принесет, я приложила бы во сто крат больше сил, чтоб укрепить его скептицизм.

Но тогда я радовалась, глупо, наивно, опустив голову и перебирая пальцами подол. Я чувствовала на себе задумчивый взгляд короля, словно после слов наследника он оценивал меня заново, взвешивая и измеряя, и не смела поднять глаз.

– Поспешить так поспешить. Долгих приготовлений не потребуется – мы и так слишком долго ждали этого часа.

Тихий смешок на грани слышимости, озноб, пробравший до костей, в жарко натопленной гостиной, тени на самом краю зрения.

О, добрые соседи ждали этого часа куда дольше.

* * *

Пламя в жаровне перед Хозяйкой Котла лениво лизало угли, красные, потрескивающие. Искры поднимались к своду, искусно изрезанному узором из листьев омелы. Тени текли по лицу богини из выбеленного дерева, и казалось, она то хмурится, то улыбается. Тяжелая первобытная тишина оглушала, и сердце колотилось быстрее в страстной жажде хоть

какого-нибудь звука.

Раньше жрецы вещали из потайных комнат за идолами, и легко, слишком легко было поверить, что это голос бога разрывает тишину. Но уже давно жрецы не прятали лиц, и многие ритуалы утратили благоговейный ореол.

И церемонии перед ликом бога стали столь же скучны, как и чаепития с министром по финансам – именно в этом со смешком меня уверил Рэндалл, хотя я, пожалуй, сравнила бы свадьбу Гленна и Элеанор с чем-то скорее жутким, чем скучным.

Мы стояли справа от светлого лика Хозяйки Котла, за спиной короля, в его теплой, надежной тени. Рэндалл, немало сил приложивший, чтоб в считанные дни устроить церемонию, когда весь город готовится к Йолю, морозам и ярмарке, зорко оглядывал зал. Иногда на губах его вспыхивала улыбка, мимолетная и довольная, и я гадала, что же он задумал на этот раз.

Самые древние, самые прославленные фамилии собрались в святилище. Я не узнавала лица – да и откуда мне знать их? – но различала геральдические цвета. Гилбрейты, Локхарты, Боусвеллы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.